

Елочки-иглопочки, чудеса под НОВЫЙ ГОД

Независимые авторы

12+

**Ольга Лукина
Анастасия Финченко
Евгения Ивановна Хамуляк
Нуршат Шатаева
Ася Батурина
Елочки-иголочки,
чудеса под Новый год**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66891093
SelfPub; 2021*

Аннотация

Каждый год писатели со всего света превращаются в волшебников и пишут новогодние рассказы, чтоб поднять читателю настроение. Ведь именно настроение является тем волшебным соусом, который питает увядшее, склеивает поломанное, соединяет несовместимое, прямо как в насыпанных горами новогодних салатах.

В нашем сборнике вы найдёте именно такие рассказы. На любой вкус! Тут вам и курьёзные новогодние случаи, и истории с вмешательством волшебных сил в дела взрослых людей, разуверившихся в чуде. Порадуют новогодние притчи с глубоким смыслом и рассказы про обычные семейные неурядицы, которые улаживаются ожиданием новой мирной жизни. И, конечно,

истории с тем самым роковым моментом, когда бьют куранты и решаются судьбы влюблённых.

Содержание

От авторов	5
Евгения Хамуляк	7
Ольга Лукина	93
Нуршат Шатаева	111
Анастасия Финченко	122
Ася Батурина	134
ОБРАЩЕНИЕ К ИЗДАТЕЛЯМ	152
Ольга Лукина	153
Нуршат Шатаева	156
Анастасия Финченко	159
Ася Батурина	162
Евгения Хамуляк	164

**Евгения Хамуляк,
Анастасия Финченко,
Ася Батурина, Нуршат
Шатаева, Ольга Лукина
Елочки-иглочки,
чудеса под Новый год**

*С новогодним настроением не рождаются. Его
преобретают с опытом. За тех, кто ищет, не
теряя улыбки!*

От авторов

Дорогие друзья!

Каждый год писатели со всего света превращаются в волшебников и пишут новогодние рассказы, чтоб поднять вам настроение. Ведь именно настроение является тем волшебным соусом, который питает увядшее, склеивает поломанное, соединяет несовместимое, прямо как в насыпанных го-

рами новогодних салатах.

В нашем сборнике вы найдёте именно такие рассказы. На любой вкус! Тут вам и курьёзные новогодние случаи, и истории с вмешательством волшебных сил в дела взрослых людей, разуверившихся в чуде.

Порадуют новогодние притчи с глубоким смыслом и рассказы про обычные семейные неурядицы, которые улаживаются ожиданием новой мирной жизни.

И, конечно, истории с тем самым роковым моментом, когда бьют куранты и решаются судьбы влюблённых.

Почитайте наш сборник «Ёлочки-иглочки, чудеса под Новый год» и настройтесь на чудо! Всё будет хорошо, даже если вокруг свирепствуют пурга и метель.

Для всех, кто ждёт и надеется, волшебные силы припасут тёплую шубейку и рукавички, и компанию из хороших друзей, чтоб настроиться вместе. – Всё только начинается! С наступающим Новым годом!

Евгения Хамуляк

«Противный Новый год»

Юлия очень любила Новый год – трепетное семейное празднество, на которое собиралась вся семья, обмениваясь хорошим настроением и подарками. Традиционно приезжали родственники из Ярославля и Пскова, оставались весёлой гурьбой на даче, соревнуясь, кто вкуснее и сытнее друг друга накормит своими зимними закрутками и соленьями. Семья укреплялась, разрасталась, осчастливливалась в эти чудесные дружные дни.

Но в этот год всё было не по-новогоднему.

До Нового года оставалось три с половиной месяца. Ещё в сентябре Юлия почувствовала, что её одиннадцатилетнюю дочь Василису украл-таки страшный бабайка, которым пугали девочку в детстве, подменив на противного, хмурого, наглого подростка.

– Вася! Вася! Вася! Чёрт побери! Вася, ну ты идёшь? – кричала с порога одетая мать, чувствуя, как пар и пот начинают затмевать французские духи. – Вася, я прибью тебя!

Немедленно спускайся! Если мы опоздаем на музыкалку, потом не проси меня врать Валентине Анатольевне, что по моей вине ты опоздала!

Юлии всё-таки пришлось поскидывать сапоги, чтоб взбежать на второй этаж, предвкушая намерение треснуть одному нахальному подростку по жопе, чтобы тот наконец-таки спустился.

Василиса, словно пава, выплыла-вышла сама как раз в тот момент, когда мать почти ворвалась в детскую, а точнее теперь подростковую, где хранился и содержался бардак, к которому нельзя было прикасаться под страхом смерти.

– Как будто мне это надо? – кричала мать, желая, но не рискуя покуситься на конский хвост дочери, чтоб расчехлить его до павлиньего за непослушание.

Василиса накрашенными ресницами повела в сторону своего зимнего пальто.

– Я это не надену, – просто сказала она, намекая, что детские одежды и детская жизнь в прошлом.

Юлия ей хотела повторить свой воспитательный монолог прошлого раза, что: мол, не хочешь на музыкалку ходить, где ты выигрываешь все конкурсы и тебе светит великое будущее, – не ходи, расти бездарью и становись бухгалтером, как баба Люда. Не хочешь тепло одеваться, а хочешь таскать какое-то рваньё из пластика – не одевайся, тебя будут ждать насморк, отит и ангина. Вспомни, как ты недавно болела, понравилось?!

На что её дочь спокойно развернулась и пошла в свою комнату.

– Ты куда? – не поняла мать.

– Ну ты сама сказала... не хочешь – не ходи. Я не хочу, – непонимающе ответила Василиса.

– Щас!!! – взревела мать, представляя упрёк в глазах взрослой Василисы, которая в будущем 100 процентов стала бы винить мать за проявленное малодушие перед подростковым протестом и не настояла, чтоб из дочери вышел музыкант или кто-то ещё выдающийся.

На этот счёт была подготовлена другая лекция про юность Баха или Бетховена..., или Моцарта?! Юлия всё время забывала подробности. Короче, кто-то из них категорически отказывался учиться музыке, но родители силком и розгами заставляли гения брести на уроки, и он (или они) стали теми, кем стали. Гениями! Благодаря твёрдому духу матери и отца. И немножечко розгам.

– Ты про это уже рассказывала, – скучно напомнила Василиса, только услышав первые «Бе...».

– Ладно, последний раз надень это пальто, а потом уже тебе купим то, что ты хочешь. Поедем в магазин вместе...

– Я хочу с девочками поехать, а не с тобой, – мирным тоном произнесла Василиса, а у Юлии задёргался глаз, когда она представила, куда и на что будут потрачены деньги, которые так были нужны их семье прямо сейчас.

– Противная, – сквозь зубы прошипела Юлия. – Ты рас-

тёшь противная! Даже не знаю, в кого ты такая??

Василиса даже не повела бровью, то ли соглашаясь, то ли вовсе не слушая маму.

До Нового года 1 месяц и 1 неделя.

Деньги закончились с майонезным директорством Вадима, которого сместила с должности директора новая команда родственников учредителей завода. Всё бы ничего, но гордый Вадим уволился. Майонезный бизнес пострадал от его ухода. Учредители хватились ценного сотрудника, но пока у руля стояли «свои профаны», как выражался муж, о возвращении речи не шло.

– В срок от полугода до года прибыли упадут, начнутся сбои в поставках. Выбивать из сетей оплаты – тут вообще мне равных нет. Тогда и позовут. Но я должен выдержать паузу, иначе с ними не сторговаться. Ничего, найду что-то подходящее. На безрыбье и этим перебежусь, – говорил печальный Вадим, помыкавшись в поисках других мест, которые были заняты другими «профанами» и поняв, что родной завод, где он плавал как рыба в воде, точнее в майонезе, не сможет заменить никто и ничто. – Придётся затянуть пояса потуже.

Юлия могла бы затянуть пояса, но образ жизни, а также разные родственники не понимали, что «затянутые пояса» распространяются и на них.

Недавно родной брат попросил займы на квартиру и

очень обиделся, когда ему отказали.

Не сговариваясь с ним, ярославские родственники запросили приюта их троюродному брату, который приехал из деревни с мешком чеснока в качестве благодарности. Подарок провонял на весь дом, но ещё хуже, родственник вместо одного месяца жил уже три, явно собираясь справлять Новый год вместе с Юлей и её семьёй.

Наконец, псковская родня объявила, что, к сожалению, в этот раз на празднество приехать не сможет, но перешлёт на Новый год с каким-то деверем Юлины любимые солёные грузди. И если можно деверь тоже останется на празднество, потому что отродясь не видал Москвы, Кремля, Арбата, цирка и зоопарка. Слезно просили устроить экскурсию.

Добила семейный уют недавно овдовевшая бездетная тётка Вадима, которая жалобно попросила Юлю о какой-либо занятости, например, уборке дома, уходу за Василисой, обучению девочки французскому.

– Я могу приезжать только на выходных! – при этом добавила несчастная вдова обрадованной предложением помочь Юлии. Ведь “затянуть пояса” включало увольнение домработницы. А тут убивались три зайца: помощь приятной одинокой старушке, которая к старости лет решила быть поближе к единственным родственникам, о которых раньше не сильно-то вспоминала, ну это ладно; экономия на уборке; уроки французского Василисе. Благородный язык очень бы пригодился девочке в будущем. Ведь молодые таланты мно-

го гастролировали.

Но с первых же выходных соседство не заладилось. Прожившая много лет во Франции Лидия переняла от французов не только прекрасный акцент, но и европейские фамильярности, например, ходить по дому в уличной обуви, не принимать душ, но изрядно духариться так, что аромат перебивал чесночное амбре другого родственника. Наконец, комплименты. Последние доводили Юлию до белого каления. Лидия ими сыпала в адрес благодетельницы, которую исключительно называла любовно «Мамочка».

– Мамочка, что вы скажете, если мы с Васенькой сегодня освоим глаголы? Васечка, а ты спрашивала у мамы разрешения? Мама – это святой человек, гордись ею, Василиса, ведь когда её не станет, – Лидия задумалась, поглядев на потолок, – мир перестанет быть чудесной сказкой. Дорожи каждым мигом, проведённым вместе, – и с поиском благодарности устремляла взгляд на Юлию, у которой в эти миги начал дёргаться глаз.

В том же духе продолжалось с 11:00 субботы до 16:00 воскресного вечера, когда уезжал обратный автобус. Рот тетушки не закрывался ни на минуту, раздавая различные мудрые советы и комплименты с французским акцентом по поводу и без.

Против комплиментов Юлия ничего не имела и получила их регулярно, так как с юности ходила в красавицах. Но два года назад по здоровью молодой женщине пришлось оста-

вить работу, к счастью, не такую уж и любимую, и отправиться сначала в неоплачиваемый отпуск, а потом в свободное плавание. Потому что возвращаться в страховую компанию на должность руководителя отдела продаж теперь, после двух лет покоя, казалось самоубийством. Естественно, внешний облик страдал. Страдали фигура, талия, причёска. Про макияж Юля вспоминала только три раза в году: на Новый год, 8 марта и день рождения мужа.

А Лидия видела Юлю, точнее Маму, в старом трико, в пижаме, после бессонной ночи исключительно прекрасной, восхитительной, свежей, яркой, божественной. Слова, как яд, отравляли женское самолюбие, прекрасно знающее состояние, когда действительно выглядишь божественно. Но как это было объяснить старушке, искренне желающей угодить и быть приветливой, воспитанной, молодая женщина не знала. В душе понимая все тонкости, Юлия про себя прозвала вдову «Противная мадам».

Примерно один месяц до Нового года.

Всё бы ничего, но к этому бульону противоречий добавилась настоящая проблема. К ноябрю Лидия стала жаловаться, что холода донимают её во время дороги и, ссылаясь на усталость в пути, стала проситься пожить уже не на выходные, которые Юля подумывала отменить вовсе, а на недельку, а может, две-три.

Вадим, который в течение дня носился в поисках работы,

а вечером дома закрывался в кабинете для чтения и составления резюме, не замечал присутствия любимой тетки, которая побаивалась попадаться ему на глаза и, тем более, рассыпать бисер из комплиментов. Василиса к 1 декабря категорически отказалась от французского без объяснения причин. Просто закрыла дверь и повесила табличку: «Никому-никому нельзя входить!!!», потому что одно «никому» поначалу не являлось преградой для Лидии.

Юлия, не сразу почувствовав беду, отвела для тётушки уже не гостевую комнату, а пустующую часть дома с отдельным входом, куда на лето переселялись родители, в будущем желающие и вовсе переехать к любимым детям. Прознав про это, старики устроили дочери настоящую истерику.

– Юля, там наши вещи, там наши семена, мои тряпочки! Почему без спроса? – ревниво ужасались старики французской оккупантке. Дочь пыталась урезонить родителей, взывая к голосу совести, мол, вдова, милый божий одуванчик, останется всего-то на одну недельку, а потом Юля с ней переговорит, всё объяснит. И выгонит.

Но божий одуванчик схватил грипп и слёг в летнем раю родителей аж на три недели, не переставая жаловаться на каждую косточку и сухожилию в организме.

Двадцать пять дней до Нового года.

Пора было устанавливать елку, составлять список гостей, яств, подарков. Но у Юли вместо новогоднего настроения

намечался нервный срыв, так как в доме теперь нельзя было ни чихнуть, ни... выразиться по-французски, чтоб не получить комплимент, или не увидеть кухню в состоянии взрыва на макаронной фабрике, пока там готовил родственник из Ярославля. Наконец, Василиса объявила, что собирается справлять Новый год в семье её лучшей подруги, так как там справляют нормально.

Юлия поняла: или ей придётся выйти на работу и с утра до ночи ездить на встречи, как это делает Вадим, чтобы не замечать творимого хаоса в доме, или...

– Может, тебе к психологу сходить? – советовала Наташа, лучшая подруга Юлии, выслушав рассказ о толерантности, доброте и отзывчивости, от которых теперь крошилась печень её лучшей подруги. И, между прочим, разрушалась семья.

– К психологу ходят те, у кого нет семьи, – строго выдала Юлия. – А у меня семьи на... три семьи.

– Тогда расскажи маме, пусть она тебе поможет советом или делом, – выдала ещё один шаблон мудрости Наташа. – Матери плохого не посоветуют, – и ещё один.

– Если мама узнает, что Лидия перемыла её сервиз, сервант и разобрала полки с консервами, наклеив этикетки... – Юлия сглотнула и не стала упоминать ещё и про подарок Вадима своей тетушке в виде дорогой медицинской страховки после всех жалоб на боли в спине. Также он пообещал, что, возможно, если дела пойдут лучше, достроит дом и неболь-

шое помещеньице со своим входом для кровной родственницы.

– Она противная! – сквозь зубы прошипела Юля.

– Кто? Мама? – не поняла Наташа.

– И мама, и папа, и парень из Ярославля, и Лидия, и Василиса, и Вадим... Все противные! – вскричала Юля и заплакала от злости.

– Низкая самооценка. Всё от безработицы, – выдала очередную мудрость Наташа, печально взглянув на ненакрашенные и неначищенные до блеска ногти подруги. А ногти, знал каждый успешный человек, являли собой пример успеха и нужности в современном обществе.

Юля покачала головой, упрасывая себя не произнести коварного диагноза и в сторону лучшей подруги, метившей в статус лучшего врага своими добрыми намерениями, стелющимися прямиком в Ад.

Юлия не поехала домой, но и к любимым родителям ехать – только подливать масла в огонь. Другим друзьям-товарищам уже после Наташи расхотелось жаловаться. И вообще, роль жертвы, которая только терпит обстоятельства, ей категорически надоела. Поэтому она отправилась в место, где бы её никто не трогал, никто не знал и никто не мешал обдумать коварный план, как вернуть присутствие духа и свою прежнюю жизнь. И справить Новый год так и с кем хочется самой Юлии.

В торговом центре в это время суток никого не наблюдалось. Новогодняя суэта выпадала на вечер, когда магазины, проходы, а также неудобные диванчики занимались трудным людом, желающим потратить свои честно заработанные денежки на подарки и сюрпризы любимым и родным. Сейчас же из посетителей полупустого центра числились люди без постоянного места жительства и разные зеваки, такие как Юля, которым никак нельзя было соваться домой.

С отчаянием плюхнувшись на первое свободное место, Юля распугала своим взъерошенным и полуозверелым видом гостей столицы из южных краев, которые из-за «долгого ничегонеделания» нагнали диванчики до температуры, близкой к гриппозной. Разнообразные бездельники разлетелись как воробьи, испуганные злой кошкой, у которой на лице было написано «Брысь, противные!». И только один мальчик лет 13 остался сидеть, не обратив внимания на всклокоченную тётю, доставшую ручку, тетрадку и телефон и угрюмо уставившуюся на него.

– А ты от кого прячешься? – спросила Юля, зная, что уроки у средней школы ещё не закончились. Василиса была на занятиях, значит, парень – прогульщик, так как на больного он не похож.

Мальчик поднял голову от экрана, долго и внимательно разглядывал соседку по неудобному дивану и ответил:

– От мамы.

Юля закашлялась, неприятный комок от ответа застрял в горле. Выражение лица хулигана ей что-то смутно стало напоминать, но так как дела не ждали, а горели, женщина переключилась с нахального подростка, который вскоре ретировался, на своих баранов, написав в тетради: «Да или да Новый год! Пункт номер 1. Ликвидация нахлебников. Пункт номер 2...».

И стала рыскать в паучьей сети в поисках телефонов организаций, которым позарез нужны были комплименты, мудрые советы, нескончаемые разговоры и уроки французского языка.

Когда через пару часов зажглись развесёлые витрины и уставший, но счастливый народ ввалился в двери торгового центра, тетрадь была исписана наполовину, а глаза Юли налились ярким, как бенгальские огни, разноцветным светом.

До Нового года 23 дня.

– Вадик, я понимаю, что клин клином сошёлся на твоём майонезном заводе, а также жизнь, карьера и деньги. Но мы не можем позволить, чтоб эти временные трудности развалили наши отношения. А майонез их разваливает! Я тебя почти не вижу. Если вижу, то спящим, кушающим, убегающим и постоянно нервным. Последний раз наша кровать чувствовала ласковые объятия... где-то осенью и то бегом. Я понимаю, что деньги нужны, но важно не потерять себя в погоне за ними.

– Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю... – Юля взглянула в тетрадку. – Если майонез нас разделит, пусть он нас и соединит. У тебя давно горит идея по сыро-молочной продукции экологической выработки... Твои жадные учредители следят за быстрой прибылью, закрывая глаза на ГМО и прочие хру. А всё же потребители – не дураки, всё больше ценят и покупают натуральные продукты. Поэтому! Ты – технолог, знаешь процесс изготовления продуктов. Я – продажник, знаю, как их продать. Устроим небольшой заводик, например, в той части дома, где жили родители, – и там, где поселилась Противная мадам, не добавила Юлия, зная трогательное отношение мужа к тётушке. – Ты изготовишь первые партии, я напечатаю этикетки и листовки, развезу попробовать сначала соседям. Вложений немного, – Юля озвучила примерную смету, потратив целый день на поиски поставщиков домашнего молока и прочего необходимого. – Но если выгорит... Майонез, сыр, творог, йогурт спасут нас на безрыбье. И исполнят твою мечту.

Вадим сделал вид, что задумался, но глаза его загорелись. Жена предлагала дело! Это был давний “запретный” проект, которым дышал директор майонезного завода последние несколько лет.

– Я посчитала прибыль, это, конечно, не миллионы. Но даже если у нас закажет каждый третий житель нашего посёлка – это твоя зарплата за месяц. А если...

– А куда деть Лидию? – с ужасом спросил муж.

Юля сухо плюнула себе на пальцы и перелистнула бизнес-план в клеточку на страницу по ликвидации проблем по пунктам.

До Нового года 22 дня.

Разговор с Лидией предполагался с участием её племянника, который в последний момент куда-то испарился. Однако Юлю этот факт мужской трусости не остановил. Не остановили и слёзы Лидии, которая была поражена до такой степени, что казалось, будто у неё украли фамильные ценности или ребёнка.

Но Юля остановила страдание, поведав чудесную новость. Пару дней назад её разыскали некие меценаты, с надеждой выспрашивая, не знает ли она кого-то не менее благородного со знанием французского языка, который сможет спасти пару десятков жизней своими вниманием и терпением.

Глаза вдовы просохли и зажглись интересом. Целых 20 человек, нуждающихся в опеке, мудрых советах, разговорах и французском!

Так и не домыв посуду после кулинарных изысков родственника из Ярославля, Лидия бросилась по указанному адресу договариваться о меценатстве и опекунстве.

Родственник из Ярославля в тот же час нашёл работу: подготовку помещения и установку нехитрой техники для будущей сыроварни, майонезни и творожного цеха, а также по-

грузку-разгрузку мешающей мебели в гараж. Отдохнуть от первого рабочего дня ему пришлось уже в общежитии неподалеку, с которым договорилась Юля буквально накануне, внося оплату за месяц и вычтя её же из первой заработной платы первого труженика их подпольного заводика.

Вещей у родственника было немного, вечером Юля лично отвезла полуживого парня до нового стана.

– Завтра жду тебя в ь утра. Надо быть хорошо вымытым и плотно позавтракавшим, – объявила работодатель, протягивая рабочую одежду молочника и аванс.

Таким счастливым своего мужа Юлия не видела очень давно. Молодая женщина чувствовала себя настоящей Снегурочкой, исполнившей заветную мечту Вадима, который в милой синтетической шапочке, в рукавицах по некусанные локти и резиновых сапогах по самое «не балуйся» варил самые вкусные творог, сметану, майонез, йогурты, которые только пробовала семья и все соседи огромного дачного поселка в своей жизни. Даже противная Василиса и та отметила папины шедевры.

– Знаешь, а ведь можно бэйлис с потрясающей сгущёнкой забабухать! Имеется старинный мюнхеновский рецептик, – горел идеями Вадим, а Юля тут же мониторила, где достать красивые бутылки и быстро напечатать первую партию этикеток.

Единственной проблемой домашнего производства являлось обжорство. И Юля вынуждена была как можно реже по-

сещать помещение холодного цеха в целях сохранения фигуры.

– Если бы мы этого не сделали, нам нечем было бы платить за вашу ипотеку по новой квартире у монастыря и кредит по машине, – просто и ясно объяснила Юля родителям появление холодного цеха в их жизни.

Родители примолкли, сменив гнев на благодарность любимым детям, которые так заботились об их комфорте.

До Нового года 13 дней.

Приезд псковского казачка с соленьями был кстати. Юля и Вадим подумывали ещё об одном сотруднике, хотя на выходных были вызваны помогать родители, Лидия, друзья. Работы: клеить этикетки, завязывать бантики, раздавать листовки – хватало всем. Поэтому газелька, гружённая груздями и солёными хрустящими помидорами в промышленных масштабах быстро пошла в статью доходов семьи. Псковец был отправлен в родные пенаты за новым грузом. Родственники не роптали, а очень сильно обрадовались. Они догадывались, что соленья и маринады не доедаются москвичами, а значит, не ценятся. А вот соседям, не имевшим кулинарных связей на псковщине, маринады пришлось по вкусу особенно накануне праздников, когда грузди, белые, маслята, корнишоны, черемша и прочие яства идеально съедались под куранты. Поэтому привезённая оплата за первый и аванс за следующие заказы укрепили родственные связи. Псковчане полез-

ли за «нз» дальних подвалов, к лету решая, если дело пойдёт, тоже открыть холодный цех.

Лидия обещала по возвращению устроить родственнику, ныне экспедитору их пока что подпольного дела, незабываемые экскурсии по Москве с подробными, очень детальными рассказами о каждом мало-мальски значимом булыжнике столицы.

До Нового года три дня.

У Юли оставалась только одна проблема – это воспитание, то есть полная невоспитанность дочери-подростка. “Что делать?”, – не могла взять в толк мать. Как бы она ни старалась, что бы ни говорила или ни предлагала, Василиса делала противоположное или просто игнорировала мать. А это противоестественное решение справить любимый, чудесный, семейный праздник с чужими людьми и вовсе выводило из равновесия молодую женщину.

– Обычно так ведут себя дети, которым не хватает материнской любви. Ты ей побольше ласковых слов говори. Хвали что ли, – советовала мать, а у Юлии начинался нервный тик, потому что она занималась этим занятием постоянно, то есть как только видела дочь, тут же принималась хвалить, делать комплименты, шутить, любить. Рот не закрывался ни на минуту, не хуже, чем...

Юля вдруг побледнела, вспомнив ужасный период приёма неудержимого хваления и ласки от Лидии, которую никто

не просил этого делать. Теперь, слава Богу, старушка была занята и знала, где и с кем справить Новый год.

– Господи! – взмолилась Юля, с ужасом представив, что всё это время испытывала Вася, у которой менялись тело, характер, привычки, взгляды. Этот процесс был болезненным, порой невыносимым для взрослеющего очень ранимого сознания ребенка. А тут эти непрошенные комплименты?!

– Мать имеет право говорить слова любви тогда, когда захочет! – настаивала бабушка, но Юля её не слушала.

– А тут ещё я со своими комплиментами.., – вспоминала расстроенная и растроганная мать своё несознательное поведение, когда ей больше хотелось думать о себе, своих интересах, чем об интересах дочери.

– Зайчонок, да пусть справляет с чужими, – сказал на это Вадим. – Зато мы с тобой сможем устроить романтический Новый год! Вообще-то это был сюрприз, но раз такое дело... – довольный муж взял растерянную жену за руку и повёл в холодный цех. – Я спущу телевизор с президентом и ёлкой вот сюда, – радостно рассказывал Вадим. – Столик с шампанским и фруктами сюда. Зальем горизонтальную цистерну, похожую на ванну, тёплым молоком. Подогрев установим на минимуме, чтоб не вскипеть. И справим Новый год как два глазированные сырка в тёплом молоке. Только ты и я! Только я и ты! – и Вадим увлёк красавицу-жену в поцелуй, от которого молодая женщина чуть не растаяла.

Такого Нового года она даже и представить себе не могла. Как сыр в масле. Или масло в тёплом молоке. Или желток в свежем майонезе. Или... фантазия уводила в далекие миры, рука мужа уже забралась под новую кофточку, что вчера на новогодней распродаже купила Юля для её нового облика – директора департамента маркетинга и менеджмента сыро-молочного заводика... Официальное название и регистрация товарного знака ещё ждали впереди... Как неожиданно Вадиму позвонили.

Он не хотел брать трубку, но настырный, а Юля подумала «противный!!», телефон не унимался.

Влюблённые нехотя оторвались друг от друга, решив сохранить любовный запал до новогодней ночи с ванной из молока и с лепестками роз, ароматными свечами и речью президента.

Звонили с майонезного завода и просили вернуться директора на любых условиях.

Условий было три, их приняли не спрашивая.

Новый год.

Первым делом с утра пораньше хитрые влюблённые сами обзвонили всевозможных родственников, любимых и противных, поздравляя их с Новым годом и невзначай оговариваясь, что они будут находится далеко-далеко вне зоны доступа сети, где-то в Сибири или на Камчатке или на Острове Крузенштерна, поэтому не нужно утруждать себя поисками.

Далее Юля достала из холодильника большой праздничный торт, купленный накануне, присовокупив к нему огромную подарочную коробку их сыро-молочных деликатесов и отвезла Василису, как богатую невесту на выданье, правда, одетую не в белое, а во что-то лохматое чёрное, в дом к её лучшей подруге. Обрадованные родители тут же сделались новыми покупателями молочного производства и обещали глаз не спускать с молочной принцессы.

– С Новым годом, мама! – Василиса поцеловала маму и легко упорхнула.

– Хоть бы не попросилась домой, – взмолилась Юля, махая ладошкой на прощание.

Далее были крепко-накрепко закрыты все двери, запахнуты окна, задёрнуты шторы. Для особо непонятливых, выключили все телефоны.

Летняя резиденция родителей, которая недавно стала холодным цехом домашнего производства, опять поменяла стиль, превратившись в романтическое гнёздышко, пахнущее клубникой со сливками и украшенное мишурой и елкой. Ванна пенилась белой молочной пенкой, зазывая окунуться и расслабиться.

Влюблённые и счастливые супруги впервые за долгое время оставшиеся наедине, чтоб справить любимый праздник вместе и так, как хочется только им, услышали стук в дверь.

Вадим посмотрел на Юлю.

«Вот противные», – подумала женщина, гадая, какая за-

раза в 00:00 не сидит у своего столика с оливье и не слушает президента?

Ярославль и Псков находились далеко. Их представители, получившие приличные заработки у богатого молочно-сырными яствами стола, сидели у телевизора в общежитии. Родители, получившие подарок – путёвку в пансионат у моря, – должны были сидеть в праздничной столовой у моря. Вася радовался нормальной встрече нормального Нового года со своей подругой по нормальным интересам. Лидия являлась Снегурочкой-ведущей в доме престарелых, потому была обязана присутствовать до последнего. Майонезный завод закрылся на праздники в ожидании возвращения своего директора, чтоб после вновь стать ведущим майонезным заводом страны.

– Кто ещё? – без слов спросила жена, поведя бровью.

– Да вроде больше не за кого волноваться, – так же без слов ответил муж, надув губы и нахмутив лоб.

– Тогда сделай-ка президента погромче, – уже вслух произнесла Юлия, залазя в тёплую пенную ванну, а Вадим открыл бутылку шампанского, запрыгивая вместе с бутылкой и фужерами вслед за женой.

– И несмотря на разные жизненные трудности, каждый россиянин должен оставаться в первую очередь человеком, семьянином, гражданином и оптимистом! – сказал президент и огромная страна не могла не согласиться с этим тостом.

«Новый год не по-русски»

Идея справить Новый год за границей пришла в голову Павлику, который кроме Турции нигде и не бывал. Ему, как ценному сотруднику органов, было запрещено покидать родину без уважительной причины. Отпуск не являлся таковою. Кроме Турции других заграниц пока не внесли в список для путешествий. Поэтому было решено устроить настоящий новогодний праздник с деликатесами и шоу именно в Турции, разделив все расходы между друзьями.

В группе близких друзей вместе с жёнами значилось 12 человек, плюс дети, человек 16-17. Точно посчитать за раз празднующие не смогли.

Расходы получались нешуточными. В отеле предупредили, что если русские не забьют зал своими, турчане забьют свободные посадочные места остальными национальностями.

Решено было приглашать всех и вся и даже дальнюю родню или приятелей, лишь бы выполнить условие.

В конце концов, удалось набрать 92 гостя, включая детей. Проблема состояла только в том, что «в друзья» у некоторых набились не только русские, но и французы, и немцы. В принципе, все были согласны, только не знали, как справ-

ляют Новый год представители этих национальностей. Чтоб всем было хорошо, решили составить разнообразное меню: для русских – оливье и шубу, стерлядь и свинину, французам – устрицы, улитки, фуа-гра и утку, немцам – кренделя, сосиски, свиную рульку и квашенную капусту. Детям всех национальностей – макароны и йогурты. Так советовала сделать паучья сеть, с которой советовались главные зачинщики предстоящего мероприятия.

С программой выходило сложнее, но на помощь пришла администрация отеля, подсказав, что знает одну семейную пару клоунов, которых они постоянно вызывают в качестве аниматоров летом. А летом в отеле немцев, французов и прочих пруд пруди. Всем программа нравилась. По крайней мере, никто никогда не жаловался.

Павлик почесал полысевшую от стрессовой работы ценную голову и довольно чмокнул губами:

– Алкоголь и конфетки входят «во всё включено»?

Турчане кивнули: «Бэспраблэм!».

Женщины начали копить деньги на платья, маникюр и причёски. Мужчины уже копили на подарки женам и детям. Дети стали составлять по второму, а кто и по третьему разу письма Деду Морозу о подарках.

Билеты были куплены. Чемоданы собраны. За день до Нового года компания из 17 человек первой прибыла в пяти-

звездочное станище, уже украшенное по-новогоднему, и ринулась первым делом в спа, чтоб разморозить отмороженные конечности в турецких хамамах и полечиться горячительным, так сказать, чтоб не заболеть.

Спа оказалось забитым под завязку, там уже отогревались немцы, французы и другие незнакомые личности.

Чуть позже выяснилось, что это люди нечужие. А как раз те «свои», которые разделили непосильные расходы, чтоб отпраздновать сей знаменательный день вместе.

Подвинувшись, немцы и французы уступили друзьям из холодной Руси место. В ответ в пластиковые стаканчики были налиты микстуры, и все вместе, прямо в джакузи, как выражался Павлик, гости встали на одни лыжи, то есть настроились на одну новогоднюю волну.

Через полчаса увлажняющих процедур французы с немцами уже говорили чуть-чуть по-русски, русские свободно размахивали руками как на французском, так и на немецком, что даже улавливался некий акцент.

Отель загудел, как пчелиный улей. Повсюду слышались слова приветствий, поздравлений, дружеской болтовни. Люди заселялись, обнимались, целовались и потихоньку поднимали градус настроения: кто горячительным, кто..., а некоторые просто наслаждались жизнью без помощи со стороны.

Однако ближе к полднику обнаружилась проблема: у Павлика стремительно стала подниматься температура и со всех

щелей, что называется, полетели съеденный ранний завтрак дома, потом кофе и булочка из аэропорта, затем то, чем кормили в самолёте, наконец, турецкий, а точнее, шведско-турецкий стол. Полдник вылетел первым, так как стоял ближе всего к верхнему отверстию, через которое организм Павла освобождал его от ненужного, как скульпторы прошлого свои творения.

– Кишечный грипп. У меня так у Максимки было, – выдала диагноз Антонина, чья-то подруга, единственная откликнувшаяся на зов о помощи ввиду отсутствия врача на территории.

– У Антонины пять сыновей и одна дочка. Она – как врач, – верила многолетней женщине, прошедшей огонь и воду, жена Саша, а ей поддакивали друзья Павла.

От врача реального решили отказаться. Толкотня со страховками никому была не нужна, а счёт за осмотр светил стоимостью, размером, эквивалентным доле участия в празднике.

– Есть у меня термоядерное средство. Из Испании. Всегда вожу с собой. Тыщу раз спасало в дороге, – доставала из женской сумки Антонина зелья на непонятном языке. – Развести и хлебать двое суток. Жрать ничего нельзя. Только кашку, – Антонина сделалась совсем серьёзной. – И особенно водку лакать категорически запрещено. Итак сильнейшая интоксикация, если ей добавить ещё огоньку, ждут тебя, Павел Анатольевич, приключения русских в турецкой реани-

мации.

Вид и жаргон у женщины, вырастившей столько детей, были такими, что Павлик подумывал и вовсе перестать жрать и лакать.

– А теперь отдых и сон.

Услышав последнее наставление, друзья большой гурьбой ринулись по своим делам, оставляя несчастного друга в одиночестве.

– И ты уходишь? – жалостливо спросил Павел Александру.

Женщина замешкалась, но не осталась – под предлогом «нужно следить за детьми» она убежала с печальным, но горящим взором.

Павлика мутило, колбасило, выворачивало, вшитыривало, куролесило в одиночестве всю ночь. Ближе к четырём утра стало легче, и он смог заснуть. В 4:30 пришла пьяная жена, уверив пробудившегося мужа, что с детьми, погодками Васей и Лешей, 14 и 15 лет, всё хорошо.

Как ни странно, но лекарство многодетной ведьмы подействовало. Павел допил первую бутылку со смесью в девять утра и вполне бодрым и даже выпавшимся побрёл в ресторан на завтрак один. Жена не проснулась. В соседнем номере спали мёртвым сном дети.

В ресторане оказалось десять человек вместо 92. Двое являлись теми, кому «за печень и за сердце». Антонина, кото-

рая не употребляла в принципе. И ещё пара человек, в которых по лицам Павел профессионально распознал сыроедов, натуропатов, гомеопатов, невротиков и парочку йогов. К десяти часам опустели тарелки и тазики с овощами, фруктами, белым рисом. Мясо и рыба лежали нетронутыми. Кастрюлю с овсянкой доели Павел с Антониной, присевши рядом, так как их теперь связывало зелье из Испании.

Кстати, поначалу поставив жирный крест на отдыхе и праздновании Нового года, ближе ко второму завтраку Павел всё же увидел свет в конце тоннеля.

Во-первых, прекратились понос и рвота, что было уже счастьем.

Во-вторых, не евши овсянку с детского сада, где Павлика пичкали ею насильно, в зрелости мужчина отметил её неповторимый чудесный вкус. Собственно, он доел бы кастрюльку и один, но оказалось, это любимое лакомство Антонины.

В-третьих, чья-то подруга или родственница, на вид чистая ведьма, в разговоре оказалась интересным и полезным собеседником. Павел, после того, как кастрюлька опустела, даже стал записывать за ней, потому что ранее ему никто не мог помочь с его проблемами, как вывести шпору, рассосать жировик на лопатке, наконец, грибок большого пальца его просто достал. Не помогли ни мази, ни присыпки. Зато прилично пустел кошелек от новых бестолковых средств.

– Конечно, нашёл дурачков! – возмущалась Антонина. – Паша, ты вроде как следователь, видишь ли причинно-след-

ственную связь, почему платные врачи и фармацевты хотели б, чтоб ты вылечился? И с другого конца обмозгуй. На какого рожна бесплатным врачам ты сдался со своей шпорой: отхреначат по коленку и нет проблем. Нет проблем у бесплатных врачей с тобою, понимаешь или нет?

Следователь нашёл причинно-следственную связь в фармакологическом заговоре против него и стал ещё упорнее записывать за Антониной.

– Баночку туда-сюда крути пяточкой. Идёт попеременный массаж ещё не окостеневшей ткани, – завтракала и одновременно вела осмотр Антонина. – Грибок что любит? – допрашивала с пристрастием женщина. – Правильно, тепло, мокроту и сахарок. Убери сладкое, мой ноги с душистым мылом, и грибки у тебя сдохнут на глазах. И главное, не жри ничего вредного и не лакай горькую, иначе брык!

Если до этого разговора Павел ещё сомневался в страшных советах, то после шпоры окончательно уверовал в народную медицину, даже прихватил из ресторана маленькую стеклянную бутылочку из-под кефира, «катать» ногой со шпорой в номере. Зачем откладывать выздоровление до возвращения домой?

Но по дороге в номер передумал возвращаться, спрятав поглубже в карман кефирную спасительницу. Жена, дети, друзья, скорее всего, проспят до обеда – чтобы никому не

мешать Павел побрёл осматривать отель.

«Турецкий рай» оказался не таким уж большим, как на картинках, но достаточно вместительным. Тут тебе и тренажёрный зал – Павел целый час покачал штангу, вспомнив молодость. Тут тебе и спа, утром 31 декабря абсолютно безлюдное. Даже Антонина ещё сюда не забрела. А зря! У Паши остались вопросы по поводу кое-каких интимных дел. Но он дал себе зарок отыскать женщину на застолье и расспросить поподробнее, что на этот счёт говорит народная медицина.

Попарившись в хаммаме, побултыхавшись в джакузи, где вчера сидело 16 человек вместо шести по нормативу, Павел отправился дальше, найдя бильярдную, волейбольную, где перекидывались французы, которые помахали ему рукой: мол, присоединяйся, комарадэ.

Павел снял свитер, аккуратно поставил медицинское стекло рядом с одеждой и побежал вспоминать молодость. Вспомнил он её на 11:0, когда присоединились немцы из бильярдной, а ближе к обеду проснулись русские. Для чистоты эксперимента ариев поставили вместе, но выиграли всё же славяне, хоть пили не пиво с вином, а покрепче. Но немчура не обиделась, приглашая отобедать вместе, ведь на праздник все будут сидеть за общим столом со своими компаниями, и там уже не наговоришься.

– Так, мужики, в обед не пить! – командовали Серёга и Лёня. – Максимум один бокал. Сохраняйте силы на празд-

ник.

На полдник жёны ходили раздавали лекарственный препарат, незаменимый в случае метеоризма. Дело в том, что праздничный новогодний ужин был заранее обговорен, русским – русское, остальные – остальное. А вот турецкий обед, а точнее шведский стол, был напрочь забыт. Хумусы, турецкие копчёные яйца, жареные баклажаны с аджикой, мясо в чесноке, кебабы с петрушкой, чечевичная похлебка... В общем, ближе к полднику вместо ароматов елки и мандаринов в отеле запахло турецкими яйцами или месторождением серо-водорода.

– Это не мы! – кричали возмущённые подростки, когда их заставили тоже «вакцинироваться» от метеоризма. – Немцев идите понюхайте, они на обеде всю капусту съели и свинину с аджикой, а заедали пахлавой с медом.

Добровольцев дознаться со знанием языка не нашлось.

– Да плевать! – отмахнулся Серёга, многозначительно глядя на Лёню. Мол, скоро такая пьянка-гулянка начнётся, не то что запах, картинки пропадут из поля видимости. Главарей поддержало большинство, и все разошлись по уголкам отеля, чтоб уже через четыре часа встретиться в праздничной зале нарядами и готовыми к новой жизни.

Павел вместе с мужиками бродил по отелю, присаживаясь то в бильярдной, то в теннисной. Мужики резали анекдоты, рассказывали курьёзные случаи из жизни, пересказыва-

ли сплетни и даже делали бизнес, однако старались не сильно контактировать с Павлом, которого честно попросили сильно не приближаться и пить-есть из разных с ними тарелок. Паше было немного обидно, но по-человечески он понимал друзей и товарищей. То, что он пережил этой ночью, не пожелал бы и врагу.

За час до назначенного срока все как по звонку ринулись по номерам, где их ждали нервные жены, которые должны были совершить чудо и из своих мужей сотворить принцев.

Счастливый Павел вбежал к себе в комнату и не нашёл так никого, кроме праздничного отглаженного костюма, безжизненно лежащего на кровати, начищенных ботинок, дезодоранта и записки.

«Я у снохи Вечканова, приехали Серёгины деверь и кума. Мы разговариваем. Встретимся уже на ужине. У детей всё хорошо. Они с Цапкиными. Целую, люблю. Саша».

Павел стал вспоминать, когда видел последний раз жену живьём?

Почесав бровь, он вспомнил, что в твёрдом уме и живьем-живьем только в аэропорту. В автобусе она сразу усесть к подругам, и потом он видел её только мельком. То там её пальтишко просвистело, то здесь. Когда с ним случилась беда, он её не разглядывал. Она то бегала за врачом, то её перекрывал образ Антонины. Утром, когда Саша не отвечала на зов пойти позавтракать – не считался, так как явных признаков жизни, кроме сопения, жена не подавала.

Павел заволновался, но потом вдруг просиял.

– Мечты сбываются! – стукнул он себя по лбу. – О, дурак! – пожурил он сам себя за дурацкую привычку сразу искать негатив и подозреваемых.

Во-первых и в-главных, они с Саней уже как полтора суток не ссорились. Шутки-шутками, но именно это желание он решил загадать в полночь Деду Морозу и Снегурке. В последнее время, после 16 лет брака, они то и дело ссорились по пустякам. В основном, это были претензии с её стороны, что он стал неромантичным, сухим, жадным и мало проводил времени с семьёй. А тут получается взятки гладки: сама свалила к каким-то деверям и прячет детей, которых сам отец немного побаивался. Точнее, побаивался себя, чтоб их не прибить. Дети знали слова, которые не знал Паша. Они разговаривали между собой и себе подобными на этом птичьем языке. Паша боялся, что они что-то от него скрывают и бесился от этого.

– Может, они про дурь говорят, а я и не знаю. Прячут её где-то. Курят, лижут. А может, трахаются, как кролики, а мы с тобой уже бабка с дедом? – с выкрученными в разные стороны глазами от страха за детей, которые назывались подростками, говорил с придыханием Паша.

На эти следовательские подозрения и профессиональную привычку во всём искать криминал, Саша не считала нужным отвечать. Оба сына, в отличие от отца, пошли спортивными тропами. Оба мечтали стать спасателями. У обоих бы-

ли идеальные оценки. Если они и перебарщивали с телефонами, играми и, наверное, где-то покуривали, Саня, с детства перебарщивающая со всем и вся, сыновей не винила.

– Голова на плечах есть. Когда надо голова возьмёт верх над другими членами! Это мои сыновья! – по-сталински глядя в светлое будущее, рассуждала строгая, но справедливая мать.

А то, что отец перебарщивал с трудоголизмом, пропустив пубертат сыновей, – это как раз не устраивало женщину, которая перепробовала все методы, но сработал только последний, когда из суда Павлу пришло извещение о разводе. Он попросил второй и последний шанс. Саша дала ему этот шанс позавчера, поэтому испытательный срок был в самом разгаре.

Второе желание сбылось в том, что наконец-то Павел мог без зазрения совести провести хотя бы день так, как хотел он, без того, чтоб развлекать Сашу и детей. Поэтому первым делом Паша засел в пространстве чищенного кафеля пятизвездочного туалета с телефоном и припасённой ещё в самолете газеткой, разглядывая в экран всякие глупости и такие же глупости читая с бумаги.

В-третьих, Павел за вчерашний и сегодняшние дни сбросил три кило 500 грамм. Дома ему даже один килограмм и тот давался с кровью и потом с гирями зале или на диете. Стрессовая работа, перекусы, кофе, поздние ужины, к сожа-

лению, плохо сказывались на фигуре и здоровье. Поэтому к своим 48 Павел подготовил Деду Морозу не только желание про любовь, но и как любой старик, – про здоровье.

– Половое, в том числе, – как бы уточнил Павел, будто волшебный персонаж его слышал.

За окном послышались первые фейерверки, это начали провожать старый год его друзья и заодно проверяли готовность снарядов перед настоящим салютом.

Павел быстро оделся, набриолинил небольшой ёжик, что звался чёлкой, и бегом устремился вниз, в залу, не забыв прихватить подарки для жены и детей и волшебное питьё Антонины. Оставался ещё литр, чтоб замазать прорехи в здоровье.

– Что случилось? – спросил Павел, с ужасом глядя на раненых в обугленной одежде, которая еще тлела.

– Снега-то нету, – угрюмо ответили из толпы. – Укрепили плохо. Это вам не Подмосковье. А пустыня.

Раненых осматривала Антонина, как и в его случае в целях экономии средств на медицине. А Павлу почему-то стало смешно. Он еле сдерживался, что не заржать, как конь. Когда похрипывания и посвистывания стали очевидными, ему пришлось отойти в сторонку, чтоб отсмеяться там и не получить по морде.

Очень уж забавными выглядели люди, раньше времени проводившие старый год. Они походили на лунатиков, которым мешал нормально двигаться разорванный в пух и прах скафандр. Но ещё смешнее выглядел медицинский осмотр Антонины. Лунатики протягивали руки-ноги в прожженном праздничном костюме, а она прикладывала к ранам воду, разведенную в уксусе. Воняло так, что выступали слёзы!

Не в силах больше сдерживаться и тем самым рискуя заработать грыжу, Павел отправился в праздничный зал, где его ждал сюрприз. Залу, как и планировалось, разделили по языкам, родовой принадлежности, чтоб каждой группе было интересно «со своими». Павла почему-то посадили между французов. Жены и детей рядом не примечалось.

Взяв табличку со своим именем, тарелку и фужер, хотя не собирался пить ничего, кроме воды, и есть ничего, кроме овсянки, следователь направился по следу родных, обнаружив их в кругу друзей и кучи незнакомых. Саша блистала, что называется. Ещё дома Павел отметил, но не вслух, новый облик жены, у которой в талии ещё в ноябре убавилось, а в губках и ресницах прибавилось. Платье было вообще отпад. Короче, жена выглядела так, как те красотки со страниц журналов, на которых мужчина периодически засматривался сидя в сортире.

Кстати, подарок в кармане пиджака очень бы подошёл к платью.

Гартер. Это слово Павел выговаривал минут пять прежде

чем выучить, а затем купить кусочек материала за баснословные деньги. В комплект присовокупил присоски к соскам. Но это явление он видал в блокбастерах Голливуда, хотя и не понимал назначения. Его, а возможно и всех, веселили смешные тесёмки, которые нравилось раскручивать по часовой стрелке, а потом против.

Наконец, кольцо. До кольца Павел додумался не сам. Ему подсказала продавщица гартера, которой мужчина зачем-то поведал свою жизнь до момента получения вызова в суд.

– Вам надо подарить ей кольцо, как знак новой жизни, где всё будет по-новому.

Вы каким видите себя в новой жизни?

Павел видел себя молодым, здоровым, стройным, свежим, сексуальным, богатым. Богатство ещё было в пути, ну это ладно.

Но для ранее перечисленного мало что было нужно. Быть ближе к любимой. Быть ближе к семье. Не переедать и попросту бросить пить. Тратить деньги с умом, например, на гартеры, а не на выпивку, посиделки и всякую дребедень.

Кстати, после кишечного гриппа бросить пить и есть было очень просто. Оставался нерешенным вопрос с новой жизнью, но Новый год обычно давал шанс.

Павел смотрел с минуту на свою жену, которая наслаждалась вниманием, кокетничая с чужими мужиками, некоторые из которых даже не говорили по-русски, а Саня чири-

кала на их языке свободно, будто полжизни в Париже отмотала. И вдруг понял простую вещь. Ведь Сашка тоже хотела быть молодой, здоровой, стройной, свежей, сексуальной и богатой, как он. Стоит ли мешать, возникать на горизонте, когда у любимой, возможно, наступила минута славы? Пусть не он, валенок подмосковный, трудоголик последний, идиот идиотский, но другие отметят её чувство юмора, женственность, сексуальность. Она была достойна этого хотя бы из-за того, что терпела валенка все эти года.

То, что Сашка его любит и никуда не денется, Павел был уверен, особенно грели надеждой гартер, кольцо и новые устремления трудоголика.

Поэтому развернувшись, он легко побрёл к своему французскому застолью.

Французы, ряженные как скоморохи, уже сидели гурьбой и чокались красным. В час, когда в России провожали старый год, то есть за 2-2,5 часа до Нового, команда молодцов-принцев в белых рубашках, выглаженных с отливом костюмчиках, блестящих ботиночках, красивой гурьбой ввалилась в двери. С улицы в то же время пожаловали те, кто уже проводил старый год и даже успел попасть под пулеметный обстрел из салютов. Но всё равно следы белой рубашки и костюма ещё проступали на опаленных, смоченных уксусом телах.

– Что это? – спросил валун по имени Мишка, хотя ростом и весом выходил на целого Михаила Борисовича, друга-пе-

реводчика Витю Казанкина, который и пригласил своих друзей-лягушечников, разодетых в пальмы и разноцветных по-пугаев.

Казанкин поцокал языком на свой промах, понимая всю суть вопроса, где на лице Мишки было чёрным по русскому написаны золотые слова: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Но Мишка не стал дожидаться результата работы головного мозга дружбана, а попросту подошёл к французам и на невербальном языке, размахивая жестами то на себя, то на пальмы, то на ёлку, объяснил: мол, пальмы у себя будете в Париже носить, а здесь дамы, дети, праздник, надо бы как-то поцивильнее, мужики.

Французы поняли невербал и слегка покраснели. Казанкину даже показалось, что посмотрели в его сторону с некоей укоризной, мол: «*Chto je ty, Victorrr, nas ne preduprrrregdat chito zdesya takoe vischee obchestvo budet?*». Виктор быстро сбегал с мужиками в номера помочь с гардеробом. Через полчаса кавалеры-тамплиеры вышли как положено в белых рубашках, брюках и ботинках, на которые то и дело засматривались русские. Всё-таки Франция – не Торжок, знатные ботфорты шьют тамплиеры.

К немецким товарищам претензий не было. Бавары и бюргеры, пусть и не при галстуках, (всё-таки чувствовалось влияние либерализма и разложение древних устоев у борусов (*Древнее название территории, где сейчас располагается Германия называлось «Борусия»), сидели с иглочки, попи-

вая пивко перед основным зачином.

Павел хотел было заикнуться друзьям, которых он лично подбил на это новогоднее приключение, а не случайно ли, что он со своим желудочным гриппом оказался затёсанным к французам? Но завидев счастливые их лица, дружеские объятия, чоканье и прощание со старым годом, где среди друзей было принято просить прощения за всё утекшее, как на вербное воскресенье, Паша вдруг подумал, что хитрые друзья правы. Хороший друг со своей хворью, пережитой им накануне, которая могла бы устроить «незабываемое приключение» им и их семьям, самостоятельно бы самоликвидировался. А тут такой ненавязчивый благородный намек. И решил остаться в стане французов, которые показались ему неплохими ребятами. Они достали из-под полы своё припасенное красное, ароматной рекой полившееся в бокалы, которые с пристрастием нюхались и разглядывались. Дали понюхать и Павлу, пытаясь научить его отличать качественное пойло от турецкого. Оказывается, всё дело было в цвете и ногах. Если цвет темный, а ободок винца светлый, – то вино молодое, хорошее, но не должно быть дороже восьми евро за бутыль. Если цвет вина тёмный и ободок тёмный, то вино старое, благородное, но аккуратно – оно может быть уже давно мертво. Ибо срок жизни красного от двух до шести-восьми лет при особых условиях хранения.

– Всё остальное можно вылить свиньям, – сказали французы, косясь на турецкое.

Паша после двух дней крутой чистки организма стал понимать в вине. Французов ему переводил Казанкин.

– Это наши поставщики из Франции. Вот такие ребята?! А вино вот такое! – поднял большой палец вверх Виктор и чапнул 50 грамм чистойшей водки в честь обоих.

– А ноги? Ноги женские где? – приставал Павел к французам, те засмеялись.

«Фам! Фам! Шерше ля фам!». Стали показывать заинтересованному следователю-сомелье, откуда в вине растут ноги.

– Вот это наука! – удивился мужчина, и все чокнулись за него, который пить категорически отказался, только вспомнив вчерашний вечер. – Вы пейте, мужики, пейте. Я вообще не мучаюсь. За меня не переживайте.

Мужики перестали мучаться и переживать за Павла и принялись произносить тосты, закусывая новоприбывшими яствами.

– Ну давайте, ребята, за старый год! Пусть всё плохое останется в нём, а хорошее мы унесём с собой и приумножим! – вскричал человек с микрофоном, появившийся из ниоткуда, как чёрт из табакерки. А был он и в самом деле похож на чёрта: маленький, толстенький, белая рубашечка так и проверялась на прочность пузом. Галстук висел для видимости, потому что объять шею-грудь не мог априори. Наконец, дополнял отталкивающий вид чёрный взгляд на белом, как блин,

лице с маленькими, словно у известного сыщика, усиками.

– Пряма Воланд! – чуть отшарахнулся от низенького крепьша здоровяк Мишка.

Павел заржал, и вышло это как-то не к месту. Обернулись и Мишка, и Воланд, который был похож на Пуаро или Дени де Вито, но уж никак не на старого благородного Сатану. Собственно, это и рассмешило следователя, который тут же припрятал смех подальше, потому что зал стал перешептываться и глядеть в его сторону нехорошо.

– Я ж не из-за тоста, – стал оправдываться Павел Виктору Казанкину, но тот его не слушал, попеременно выпивая водочки и кокетничая с дамой, чьей-то подругой из-за соседнего ближнего столика.

– Я ж не из-за... – сказал он французам, но те налегали на закуски.

Как вдруг со стороны русской организовалась группа во главе с Артуром Мартиросяном и Виталием Всеволодовым, закадычными друзьями, которые держали лесоповал в Воронежской области. Многие заказывали себе срубы, паркеты, разные деревяшки у них. Ребята были хорошими, потому все с ними сдружились и пригласили в Турцию. За ними, как за свидетелями «фиговыми», увязалось еще человек 20. Шли они на немцев, там что-то постояли, покопались на столе и двинулись на французов.

Павла стал разбирать смех, но он не мог уйти, чтоб не

узнать, что случилось, почему с видом представителей эпидемиологической инспекции мужики копаются в тарелках чужестранцев?

– Они, значит, фуа-гру будут жрать, устрицы, сосиски, а мы оливье без колбасы?! – с обидой в голосе проговорил Артур и хрустнул шейей лесоруба.

Был вызван шеф-повар ресторана и ответственная за организацию праздника русская дамочка по имени Вера, она же и переводила слова шеф-повара.

– Да, мы специально наняли русского повара с двумя помощниками для приготовления блюд, согласно меню для русской компании с учётом традиций и вкуса, – Вера перечисляла меню с калориями по памяти. – Селёдка под шубой, оливье...

– В оливье нет колбасы, – упрямо твердил Артур. Вера не знала, что на это ответить, ей и шеф-повару вручили вилки, чтоб те копнули салат в тарелке с русского стола.

Павел затаил дыхание и весь надулся, как красный шарик на первомай. Из глаз полились нечаянные слёзы.

– У тебя всё хорошо? – спросил Мишка, угрюмо наблюдая за экскаваторными работами в оливье и красным от удущья Павлом. Уходить уже было поздно со своими приступами смеха.

– Икаю. Родня, наверное, вспоминает, – врал друг, пытаюсь взять эмоции под контроль.

– Я не знаю, что на это сказать, – развела руками Вера. – Мы специально наняли русских поваров. Они утверждали и утверждают, что знают, как готовить русские блюда.

– Ну позовите нам этих русских, – попросил Виталий очень тихим мирным голосом, за которым зарождался ураган, бессмысленный и беспощадный, как русский бунт.

– А под шубой? – сказала громко дородная дама, жена одного из лесорубов, – вы видели когда-нибудь селедку под шубой квадратную? Её ж есть невозможно! Ну что это за издевательство? – указала она пальцем и такого же размера алым ногтем в незабудку на фиолетовые квадратики, рассыпанные в шашечном порядке на тарелках.

– Я помню, мы как-то справляли Новый год в Майями, – сказала ей на это высокая девушка с бокалом кампари в тонкой руке с ещё более длинным маникюром. – Небо и земля! Там в оливье чёрная и красная икра плавали, а здесь докторскую пожалели, – почмокала она губами-пельмешками, буд-то именно сейчас пробовала хваленный салат на вкус. Дородная дама соглашалась, хотя и не бывала в Майями.

Вера вывела на расстрел троих, при виде которых всё становилось на свои места без объяснений.

Лаймонис, Центис и Дзинтарс выглядели, как лесорубы латвийских равнин, на каждом возвышался поварской кол-

пак, в руках крепко держались тесак, топор и резак, как раз для нарубки кубиков для оливье.

– Ребят, вы откуда? – просто спросили из русской толпы.

– Латвия, – ответили мнимые русские с характерным акцентом.

– А что у вас оливье-то нечеловеческое? – неизвестный глас продолжал допрос.

– Почему? – недопоняли латыши и достали мобильники, сверяясь с рецептом.

Толпа обогнула лесорубов-латышей, тоже вперившись в экраны, где чёрным по-латышскому значились ингредиенты «Оливье» без колбасы, но с раковыми шейками.

– Так это раковые шейки были, – шепнул Мишка на ухо рядом стоящему Павлу, – а мне жена говорит: майонез тухлый.

Павел вылетел из зала пулей, держа рот руками, но его никто не осуждал. Все понимали, природные позывы – вещь непредсказуемая. Однако друзья только укрепились в правильном своём хитром ходе отсадить заразного подальше.

Отсмеявшись до слёз и хрипоты и, почувствовав, что похудел ещё на полкило, Павел вернулся в праздничный зал, где уже всё устроилось. Оливье без колбасы, но с раками,

не как в Майями, простили братскому славянскому народу, страдавшему в советское время без советских деликатесов, потому сующего в рецепт подножий корм. То есть морских гадов Прибалтики.

Латыши, весёлые и радостные, проводившие с русскими старый год, отправились на кухню, но обещали к Новому году выйти, так как обслуживание питанием заканчивалось. Десерты и напитки уже оставались за официантами.

– Мужики, приходите! Конечно! Ну что вы там тухнуть будете? – приглашали друзья новых знакомых из Прибалтики.

– Комедия, конечно, – говорил Артур друзьям, – с другой стороны, какая на фиг разница, в желудке всё равно всё перемешается?! – и стукнул свою дородную даму по дородной пятой точке.

– Вот именно! – задорно ответила женщина, и счастливые они отправились к своему столу. Зеваки разошлись по своим местам тоже без претензий к меню.

– Как есть, так есть. Мы же заранее знали, что едем не за едой. Вкусно поесть мы или дома или в Майями можем, – пельмешками наводила справедливость высокая девушка.

Однако когда подали горячее, голодные с русской равнины стали ковровой бомбардировкой, то есть интенсивными и непрерывными взглядами, обстреливать другой конец за-

ла, где ели утку под желудями в красном вине и рульку под квашеной капусткой, томлёной в баварском пиве.

У Павла, отужинавшего тремя тарелками овсянки и допившего бутылку с испанским зельем Антонины, стало сводить под ребрами. Сил смеяться уже не было.

– Тебе, наверное, скучно? Все пьют, едят, веселятся, а ты...? – спросил подошедший друг Антон, больше глядя на тарелки французов, чем на Павла, за которого как будто волновался, что даже покинул родной стан, явно подбитый за сланным казачком на шпионаж.

Павел усмехнулся и даже не стал отвечать. Ему было весело, реально весело!! Да ему никогда раньше не было так весело.

Пить, есть и сходить с ума – это хорошо, но это не одно и то же видеть, как пьют, обедаются и сходят сума люди в угаре праздника, вытворяя Бог весть что.

Ради эксперимента сытый он даже прогулялся по залу в поисках сыроедов, желая расспросить, давно ли они эту фишку про счастье трезвенника и язвенника прознали.

Ему предложили проросшие семена тыквы, свёклы, редиса и лука-латука под соусом из оливкового масла с сырыми грибами-вешенками.

– Не, не! – отмахнулся Павел, усмехаясь. – Я ещё не дошёл до этого уровня. Но когда-нибудь обязательно попробую.

– Под грибами, – думал следователь, глядя на буйство праздника, где мнимый Воланд пытался перекричать себя и микрофон в одном лице. Ему подпевал хор женщин, хотя Воланд не пел и вроде как не просил никого петь, – это наверное вообще отрыв башки.

Наконец, за 40 минут до Нового года, чтоб окончательно развеселить и поднять настроение гостям показались клоуны, которые должны были разыгрывать шоу звёзд русской и международной эстрады, а публика угадывать.

На седьмом персонаже Мишка, то есть Михаил Борисович, вырвал микрофон у Воланда под приглушённый смех Павла из-под стола, которому показалось, что ещё кто-то ржёт под столом и следователь был уверен, что это грибы сыроедов.

– Извините, друзья, – начал Мишка. – Нам очень нравится ваше выступление, но... Мы не понимаем, кого вы демонстрируете?

– Французы выигрывают 7:0, немцы 5:0, – подсказал неизвестный голос.

Вышла Вера со списком номеров клоунов, которые десять минут сверяли догадки публики со списком.

– Где вы Пенкина такого видели? – возмущались женщины. – А Крот кто это?

– Крид, – поправляли их дочери-подростки.

– Вы б ещё Шаляпина нам тут показали?! – басом выразил рекламацию Михаил Борисович, начальник транспортного цеха лесоповальной фабрики.

Шаляпин, кстати, был в списке.

Французские и немецкие звёзды почему-то откликались в иностранных душах, а с русскими вышел полнейший провал.

Девушке-клоунессе, которая пародировала женскую часть шоу-бизнеса, дали стакан водки, потому что она расплакалась от расстройства чувств. Её стали откачивать русские бабы, которые зашикали на мужиков за мужланство.

– Нормально она выступала!!? – защищали пельмешки со всех сторон, видя бриллиантовые ногтики товарки.

Охмелев, Варя поведала, что они с мужем Славой уехали с родины 22 года назад. Естественно, мода, нравы, тенденции поменялись. Пенкины, Леонтьевы, Шаляпины, Зыкины и новые имена перемешались в пародийной интерлюдии актёров, как шлам отстоя на чужбине.

– Ну что ж ты жену на родину не свозишь? – спрашивали сурово мужики Пенкина, прижав маленечко к стенке.

– Да у нас там не осталось никого... – отнекивался Пенкин, пожимая плечами с новогодним дождиком.

– Могилки отцов, дедов – это никого? – опять допрашивал неизвестный голос из русской толпы.

– Да к тому же власть заворовалась. Смотреть на неё тош-

но, потому мы решили, чтоб глаза её не видели... – приво-
дил доводы Пенкин.

Как в микрофон кто-то заорал.

– **НОВЫЙ ГОД! СДЕЛАЙТЕ ПОГРОМЧЕ ТЕЛЕВИЗОР!**

Все немного оглохли, но ринулись к своим столам за бо-
калами.

– **ТРИ МИНУТЫ ДО НОВОГО ГОДА, ТОВАРИЩИ!** –
крикнул микрофон неизвестным голосом. Воланд пытался
найти того, кто его украл и теперь орал в него как ненор-
мальный.

– **Сделайте погромче президента!** – орали русские.

– Глаза б мои его не видели... – сказал Пенкин и обиженно
ушёл встречать –Новый год в гримёрную. Жена осталась с
бабами, ей в стакан к водке добавили игристого.

Все дослушали президента, хотя слышали лишь обрывки
его слов о затягивании поясов потуже, тёмных временах и
прочих нерадужных перспективах. Во-первых, после ора Во-
ланда и неизвестного тамады слух так и не восстановился,
во-вторых, экран рябил, связь на чужбине с родиной была
не очень. В-третьих, адреналин стал перекрывать все органы
чувств, готовые к счастью и новой жизни.

Наконец, кремлёвские часы пробили полночь, и друж-
ный крик затмил первые секунды Нового года. Послышались
взрывы, салют врывался в окна праздничной залы, люди, об-

нимаясь и целуясь на ходу выбегали на улицу, чтобы увидеть яркие огни.

Павел мог смеяться открыто, глядя как немцы, отяжелевшие от пива, вина, рульки и десерта, весёлой гурьбой забрались на стулья и, взявшись за руки, прыгали вниз.

– Что это они? – спрашивал он их друга, у которого жена тоже была немка и прыгала вместе с мужиками.

– Да традиция такая! – объяснял через грохот и топот мужчина.

– А эти че? – интересовался Павел, глядя на не прекращающих целоваться французов, количество поцелуев уже перевалило за десяток. Позавидовал бы сам Брежнев.

– Традиция. Любимых, родных, друзей целуют до потери памяти, – объясняли языки с этой стороны.

Павел слегка поморщился, потому что традиции перекинулись на него.

– Спасибо! Спасибо, мужики! – в ответ сухо кивал следователь, понимая, что вряд ли эта мода, как бы ни старались, приживётся в России.

– Паша, с Новым годом, – вдруг услышал следователь и обернулся. Честно сказать, он немного подзабыл о жене, которая подзабыла его ещё с аэропорта. – Я тебя очень люблю и очень хочу, чтобы у нас всё было хорошо.

Почти то же самое заказал Павел Деду Морозу, когда би-

ли куранты. Только присовокупив про молодость, здоровье, свежесть, сексуальность и богатство.

Откуда ни возьмись появились и дети, весёлые и счастливые, они просто принялись обнимать любимых родителей. Павел вдруг осознал, что пусть и не понимает подростков, но невероятно их любит, потому что они действительно походили на мать, взяв лучшее от неё.

Саша подарила мужу подарочную карту самого крупного магазина банных принадлежностей и годовой абонемент в любимые термы, оговорившись, что абонемент рассчитан на двоих.

Получив в подарок гартер, присоски к соскам и золотое кольцо Саша расплакалась, крепко обнимая любимого мужа. Но придя в себя, спросила, сохранил ли он чеки, так как собиралась вернуть первые два элемента подарка.

– Я тоже хочу начать новую жизнь, – говорила жена, у которой язык слегка заплетался. – Я тоже во многом не права. Задолбала тебя, что ли... А иногда надо просто разделиться, позвездить где-то вне дома. Там поискать вдохновения, чтоб вернуться с ведром впечатлений и уже дома раздавать звёзды, – поэтично и туманно выражалась Саша.

Павел подумал, что на следующий год подарит жене ведро для впечатлений, но боясь раздачи звёзд, промолчал и сде-

лал вид, что не видит, какая она пьяная.

– А ты хорошо выглядишь! – заметила она и допила шампанское до дна. – Сможешь унести меня в номер, когда понадобится?

Павел почему-то подумал, глядя на бушующую толпу людей, что ему ещё придётся унести с десятков знакомых тел, которые собирались разнести отель.

– На французов и немцев даже не смотрите, – сказал Мишка четверым пропахшим уксусом, кого изначально не хотели брать из-за драчливости, увеличивающейся от градуса принятых напитков. Но, в конце концов, пожалели и дали ещё один шанс.

– И зря, – сетовал Артур, видя, что опозориться придётся и в этот раз.

Четверо устремились на турков, взглядом пересказывая историю Российской империи, где война с османами являлась таким же обычным явлением, как заросли чертополоха в Приднестровье.

Михаил Борисович отрицательно покачал головой.

– Есть выход, – на ухо ему шепнул чей-то друг и пошёл на кухню за латышами.

Мужики как раз снимали фартуки, колпаки, переодевшись в белые рубахи и костюмы, готовые к празднику.

– Пойдёмте, ребя! Выпьем за Новый год! За дружбу наро-

дов!

Наливали бесперебойно, на шестой тост за мир во всём мире, четверо буйных отвалились. Латыши попросили закуску. Им принесли нетронутый латышский оливье.

Павел отпустил жену за ведром впечатлений, пока она ещё держалась на ногах, а сам стоял в углу и плакал, так как смеяться не мог.

Не поставившие в меню точку над «и» русские с оливье и прочими майонезами отправились на обмен к немцам, которым, кстати, меню немецкое тоже не понравилось.

Вера на чисто немецком оправдывалась насчёт традиций, вычитанных в интернете. Но рекламации тут же прекратились, когда произошёл обмен оставшейся едой. Запросили по новой пива, вина, чтоб закусить подобающе. Недовольные ели-пили уже за одним столом, чтоб туда-сюда не гонять с тарелками.

Павел отправился спать в два часа после конкурсов, которые проводил Пенкин – Дед Мороз. Снегурочка была не в кондиции и просто подпевала бабам за другим столом. Прыжки в мешках, прыжки в высоту, передача апельсина подбородком, лишний стул... После просмотра не осталось ни слёз, ни сил смеяться, зато у Паши начисто пропал голос и окреп пресс, чувствовалась приятная спортивная лёгкость

во всём теле.

– Это был лучший Новый год в моей жизни! – признался Павел Вере, которая с утра пораньше на завтрак собирала мнения постояльцев об оплаченном отпуске с праздником.

– Вы уверены? – не поверила девушка, встретившись в опросник, где 22 из 26 опрошенных ответили, что им не понравилось буквально всё.

Павел засмеялся, зная, кто ещё остался довольным праздником из испытуемых.

– На самом деле, всё прошло ужасно, – поведала Вера, рассказав про разбитое стекло и отравление. Ведь 15 человек прямо сейчас лежали с поносом и рвотой. Пришлось вызвать фельдшеров для откачки, хотя больные категорически отказывались от помощи, прося привести им некую докторшу Антонину.

Павел отнёс завтрак в постель любимой, которая спала голая, так как муж так и не нашёл её пижамы среди десятка платьев. Она вернулась по утру, молча легла на кровать и уснула, успев поведать, что с детьми всё хорошо. Павел раздел любимую, благо платье снималось легко через голову, и уложил под тёплое одеялко.

Утром он посетил детей, которые спали мирным сном, но услышав призыв отца пойти поиграть в футбол или волейбол, где уже гоняли французы, легко повыскакивали из кроватей.

Через 25 дней Павел чуть помолодевший, оздоровившийся, свеженький, правда, достаток которого пока остался на том же уровне, предложил друзьям отметить 23 февраля и заодно 14 февраля, что являлось репетицией 8 марта заграницей...

«Сталину никто не пишет»

Андрей Андреевич Брежнев строил дом. Большой дом для большой семьи. Деньги на строительство имелись, не было только семьи. Точнее, она была, но «сплыла» в Лондон, прихватив половину богатства, положенного после развода, и двоих детей-близнецов, Валеру и Тоню, которым недавно стукнуло по 18. В 18 обычно не нужна семья, только её средства для реализации всевозможных капризов.

Помимо семьи у Андрея Андреевича не осталось и верных друзей. Всему был виной дом.

Дело в том, что строил его Андрей основательно. Укреп-

лял, как оборонительную крепость. Фундамент заливали дважды на случай землетрясения или каких других катаклизмов. Правда, каких именно в Подмосковье, Брежнев не уточнял, но на всякий случай упреждал их появление. Пол с подогревом, стеклопакет тройной, черепица на крыше только из Германии, где имеют многовековой опыт изготовления крыш. Забор трёхметровый.

Что ещё? Насыпи песка на электропровода в траншеях не десять, а 25 сантиметров. Чтоб ни одна вошь не перегрызла или, не дай Бог, током никого не пришибло, если цунами песок размочит.

В общем, строил от души, добротнo и на все деньги, что остались в запасе после раздела имущества, потому его прозвали «Сталин». Так вот друзья Сталина пропали на этапе заливки фундамента. Дело в том, что Андрей Андреевич в своё время закончил строительный, друзей закадычных имел оттуда же. Но дом разрушил дружбу и строительные нормативы раньше, чем цунами, так что хозяин дома и бывшие друзья перестали упоминать имена друг друга всуе, выкинули все существующие совместные фотографии, запретили детям и жёнам вспоминать прошлое.

Недаром говорят, что пара, пережившая ремонт, будет любить и терпеть друг друга вечно. Дом Брежнева, то есть Сталина, расставил все точки над «и», правда кроме «и» с Андреем больше никого не осталось.

Также хозяину крепости-бункера не свезло со строительными бригадами, взявшимися за серьёзный дом. Первые, взяв аванс, пропали. Вторых прогнал сам строитель, прораб и сторож в одном лице. Третьи попались весьма престранными. Они как бы работали и не роптали: клали кирпич не в полтора, а в три кирпича, как указывал товарищ Сталин. Рыли такие глубокие траншеи вокруг дома, что закрадывалась мысль о братских могилах, а не электросетях. Но ближе к четвергу-пятнице рабочий дух слаб, глаза косели, мозги хмелели, хотя Андрей ходил за работниками по пятам, не понимая, когда и где те умудряются напиваться, что называется, «в хлам».

Жёсткой позицией к пьянству Сталин хотел было лишить трудящихся права трудиться, но, во-первых, ребята, когда работали, всё же работали, не филонили, как другие. А во-вторых, аванс давно был выдан на руки. А деньги имели свойство заканчиваться, особенно, когда половина семейного бюджета перекочевала в Лондон.

Короче, Брежнев и так плохо спал из-за неурядиц с семьёй и лучшими друзьями, а с отловом и увещанием строителей не портить своё здоровье и достроить недострой и вовсе потерял присутствие духа: стало шалить здоровье, появились упаднические мысли.

К моменту, когда у дома появились окна, а это спустя три года после назначенного срока, Андрей Андреевич задумал-

ся о главном: кого, собственно, будет заселять в свои хоромы?

Точнее, сам-то он жил там с самого начала, присматривая за строителями и стройматериалами. Спал на матрасе. Ел из пластиковой посуды. Одежду стирал в химчистке. Но когда обстановка более-менее оформилась, Андрей понял, что ему в 993 метрах квадратных одному жить не с руки.

– А ты семью из Сирии пригласи на ПМЖ! – смеялись над ним приятели, так как друзей не осталось. Посмеяться Андрей любил, но почему-то в последнее время подобные шутки не радовали.

Для кого эти хоромы? Мрамор из Греции? Дорогушая швейцарская техника? Кто будет глазеть в эти трёхслойные окна из Белоруссии? Вот какие вопросы стали занимать голову Брежнева, печально пробегающего косыми глазами по домашней красоте и периодически натыкающегося на одно-единственное зеркало, ещё не установленное, стоящее на полу в упаковочной таре.

Отражение, мягко говоря, не располагало. Андрей Андреевич имел серьёзный дефект глаз. Один жутко косил в сторону, а второй был вообще искусственным, хрустальным, то есть абсолютно неподвижным, что на многих наводило мистический ужас. И связь с жестоким тираном прошлого только укреплялась. Шевелюра, ходившая еще лет 20 назад в достоинствах, сошла на нет к 47 годам, превратившись в плешивые недостатки.

Андрей, для которого внешность имела значение, старался брать не красотой физической, но хотя бы спортивной фигурой и бравостью, облачаясь модно и со вкусом. Но после развода, после ухода друзей и нескольких строительных бригад, часто пропускал посещение спортзала, наедался на ночь. Иной раз напивался в одиночку. Подобный образ жизни отразился сначала на талии, потом на подбородке, наконец, и на пятой точке, которая не влезала в фирменные джинсы. Немалого роста спортивный бравый качок за время строительства дома превратился в гигантского унылого пузатика.

– А всё же с кем попало жить не станет! – зло за косые глаза говорили знакомые, с завистью вспоминая похождения косоного Сталина, в любовницах которого ходили разнообразные красотки.

– Андрюха, – говорил ему покойный батя, – ты – урод. Нечем мне тебя утешить. Наша с мамкой вина, хоть убей нас. Но Бог – не Тимошка, к каждому недостатку достоинство прикладывает. Если уж тебя такого кто полюбит – будь уверен, сынок, то любовь настоящая. А если ты к тому моменту босяком у разбитого корыта любимым кому-то покажешься – то не просто любовь, а Божий дар. Женись не глядя на такой паве!

Мамка покойная, сердцем скрепя, соглашалась с жестокими словами. Полюбить Андреяку могла только женщина с большой буквы с большим сердцем, с большим терпением.

Но если не красотой, то достатком Боженька Андрея не обделил. Деньги в руки шли. Прямо лезли. Но помимо кривых глаз оказались кривыми ещё и руки, которые Брежнев сам порой хотел себе повырывать, когда они давали взаймы всяким проходимцам. И всё же Андрей не был жадным. Свозить любимую девушку в Венецию, ладошки в вонючей речке помочить, на это деньги находил всегда.

Первая жена это оценила, полюбила как могла, но чёртов ремонт напрочь отбил желание ездить по Венециям вместе.

Андрей посмотрел в зеркало и ужаснулся. Честно говоря, рожа у него была та ещё. Натуральный небритый сторож после недели беспробудных пьянства и обжорства. Никак не принц! А девушки, красавицы длинноногие любят только принцев, на крайняк, олигархов на белых люксовых авто. Из всех признаков у Андрея имелся только последний, припаркованный в тёплом гараже. И как в таком состоянии заводить семью?

Ещё и деньги почти закончились. Даже на венецианские обои не хватает, которые он заказал полгода назад, но так и не расплатился. Ванная, кухня, техника стояли нераспакованными по этой причине. Андрей с лета брился и умывался в биде, которое не контактировало с дизайном из Венеции.

А ведь ещё к прошлому декабрю всё должно было быть готово! На носу уже другой Новый год, а окончанием ремонта так и не пахнет.

И взяло Андрея такое остервенелое отчаяние, что стал он метаться по огромному дому, не зная куда себя приткнуть.

Наконец выбежал из недостроя, что почти разрушил его жизнь, и побрёл куда глаза глядят. Раскосые довели его до старинной часовни их района. Андрей, как вкопанный, встал у входа, не смея войти в святилище.

Вообще-то он не верил в Бога. Точнее, в богов, которых предлагало человеческое сообщество. Ни один, включая атеизм, не волновал сердце строителя-бизнесмена. Если приходилось, Андрей, конечно, склонял голову, шептал молитвы и бился крашенными скорлупками, но исключительно из уважения к традициям предков, чтоб родня дорогая не заклеимила, как ирода, хоть и приняла, как урода. Однако восторга не испытывал.

Зато прямо сейчас сильно испытал сильнейший холод, особенно в области нехорошо побелевшего носа и бесчувственных ушей.

В тёплом душистом храме как раз шла служба. Душевно пели старушки. Красиво дрожал свет от лучин. Переливались золото и серебро окладов.

– Плохо, да? – спросила одна старенькая и, не дожидаясь ответа, взяла за локоть Брежнева и повела куда-то вглубь. Там располагалась большая тёмная икона, которую трудно было разглядеть за количеством злата и серебра.

– Шастнадцатый век. В то время ещё не было истории,

а люди уже святой верили. И ты верь. Так и скажи, Матерь Божья, дай мне благославенье, чтоб умиротворить душу мою разбуявшуюся. Брошу лакать водку, брошу дурную блажь, если дух твоя в сердце моё войдёт и озарит благостью своея.

Андрей вперился в старенькую, которая с закрытыми глазами молила за него древнюю святыню, и хотел было возмутиться, что не пьёт и не... «блажит». Но потом, увидев своё серое отражение в стекле, где была замурована древняя дама с малышом на руках, сам отшатнулся. Чистый алкаш! Или наркоман... только упитанный. Опухший, бледный, глаза горят. Прямо хоть чёрта выгоняй с кадилом.

– Приклонись и поцелуй. Не бойся, не заразишься. Матерь не даст. Она сердобольная, всех блудливых и убогих оберегает. По глазам вижу, ты хороший мужик, хоть и непутёвый. Жениться тебе надо, родной, жениться! Дом большой построить. Сад насадить. Но это уже дела матушки, пусть она тебя наставляет...

– Так я уже!? – хотел было вставить свои пять копеек Андрей и прояснить насчёт блудливого и убогого. Но старенькая, а может и молоденькая, Андрея слегка лихорадило, он плохо соображал, и вокруг всякое мерещилось, мирно отошла, оставляя его наедине с Мадонной.

Цокнув языком на себя идиота, что повёлся на религиозные штучки, Андрей было повернул к выходу, но видящим

косым глазом заметил, что чудненькая-старенькая недалеко отошла, а посматривает так, что спиной на расстоянии чувствуется снайперовский прицел.

Решил постоять, губами пошевелить, воздух поцеловать для пущей видимости, а потом уже ретироваться подальше от религиозных фанатиков.

Чтоб зря не шептать, поглядел на Пречистую, что хмуро на него воззрившись, и сказал: мол, да, хочу любить и быть любимым. Дом есть, сад тоже, не хватает настоящей любви и большой семьи. На приёмных детей согласен. Своих тоже не прочь завести. Поцеловал Богоматерь в щёку близко к стеклу и стал пятиться назад обширно крестясь, чтоб было видно из-за широкой спины, как ему благодать передаётся.

– Молодец! Боженька и не таким пропащим помогал. И тебе поможет. Иди, иди с миром, казак, – вещала женщина и пошла по другие души, так как в церковь заглянули новые посетители, прячась от предновогоднего холода в тёплой часовне.

Андрей выскочил из церкви, как из горящей бани. Отчаяние улетучилось. Осталось тупое уныние, что жизнь заканчивается и дальше ждут только года печали.

– Десять дней до Нового года. Ни ремонт не доделать, ни жениться времени нет.

С этими надгробными мотивами Андрей улёгся спать в

чём был. В голове было неприятно пусто. Впервые в жизни он не знал, зачем живёт, зачем построил эту тюрьму строгого режима с люксовыми условиями... Зачем ему семья и 17 вишнёвых деревьев?

Так как штор в доме ещё не водилось, Андрей проснулся с первыми лучами зимнего солнышка. Потянулся и с удовольствием заметил, что выспался, несмотря на то, что спал в зимней куртке, рубаше, брюках, а вообще предпочитал голышом, хоть зимой, хоть летом. Пижам и даже трусов не признавал.

Встал, умылся в биде, осмотрелся в нераспакованном зеркале, с радостью заметив, что сегодня выглядит на так уж плохо. Спустился по винтовой лестнице вниз, довольно подмечая, какой всё-таки хороший он строитель и хозяин. Каждая деталь на месте и глаз радуется. Добротное, с умом, на долгие годы построено. Или, как дед говорил, на семь поколений вперёд. Живи да радуйся!

А жить Андрей хотел. Прямо от души хотел каждый лучик декабрьского солнца в себя впитать, восхититься природой, белым чистым снегом, снегирями, что клювиками царапали его стекло белорусское трёхслойное, потому что там какие-то семечки с осени прилипли.

– Идите прочь, – помахал на них Андрей и засмеялся от души. – Божьи мерзавцы.

Залез в холодильник, обнаружив там недопитую бутылку виски и конфеты, которые стояли ещё с осени.

Поняв, что жить хочет так, что в желудке органы устраивают забастовку и просят пропитания в виде плотного завтрака, Андрей взял первый попавшийся пластиковый пакет и пешком, размахивая им как флагом, отправился в ближайший магазинчик, где отоваривались в основном трудяги и работяги. Сам же предпочитал ездить на своем джипе в супермаркет эко-продуктов или заказывал еду с доставкой на дом. Но сегодня, в этот чудесное морозное утро, в пять часов 30 минут по Гринвичу Андрей хотел прогуляться пешком, подышать свежим воздухом.

Пели птицы. Он посвистывал им в унисон. На душе было так хорошо и светло, что все проблемы не казались такими уж неразрешимыми, какими представлялись ещё вчера. И потянув дверцу маленького зашарпанного магазинчика на себя, Андрей обнаружил его закрытым. Правда, открылось маленькое оконце, в которое высунулось хмурое, но красивое лицо женщины, точно как у вчерашней Мадонны:

– Что? – не поздоровавшись, грудным женским голосом спросило красивое лицо.

– А откройте, пожалуйста, – попросил Андрей, всматриваясь в прореху, откуда всё больше валило теплом и при-

ятными женскими духами. Мадонна, в свою очередь, тоже всмотрелась и, завидев блином лицо с двумя косыми глазами, отшатнулась.

– Время – 5:30. Мы открываемся в девять. А сейчас только через окно.

– Ладно, – легко согласился покупатель, соображая зачем пришёл. Но мысли путались. И спутывал их облик продавщицы, который прям манил к себе. Он видел её и раньше. Женщина работала в этом шалаше с протухшими продуктами уже давно.

Он помнил, что «ларьковая мадонна» была маленького роста, буквально дышала ему в пресс, точнее в место, где раньше жили шоколадные кубики, накаченные в элитном спортклубе и поджаренные в лучшем соляриуме города. Весила она не меньше Андрея с отметкой «прежнего спортивного». Круглые бока и груди выпирали даже через нутриевую шубку, плотно облегающую фигурку. Но лицо! Образ! Были незабываемыми. Настоящая Мадонна руки художников Ренессанса. Большая и располагающая, как мать земли Гея.

– Я не могу так сосредоточиться, – честно признался смущённый покупатель. – Я вижу только вас. А чтобы выбрать продукты, я должен видеть продукты.

На той стороне маленького оконца минуты две соображали по поводу услышанного. Потом стальная, утеплённая дверь со скрежетом открылась. За ней показалась небольшая

фигурка, обвязанная как мумия Египта, в широких красивых круглых местах оренбургским платком.

Красивой белой рукой продавец указала на витрину с колбасами и кефирами.

– Пять яиц, – пытался не смотреть на Мадонну Андрей, – три куска хлеба... с отрубями... и... кефир нежирный... и сыр, лучше швейцарский... и...

Продавщица пожалела, что открыла стальную дверь в пять часов утра, когда все нормальные богатеи спали. Трудяги закупились ещё в обед. Алкашня прибывала за желаемым продуктом по нормативу до 22:00. Оставались неотваренными, похоже, только умалишённые или просто сумасшедшие.

– Пять яиц продать не могу... Они по шесть штук идут, – решила быть вежливой женщина, чтоб побыстрее отпустить чудика домой.

Но Андрей вдруг окончательно оторопел. До него неожиданно дошло, почему с утра ему так хорошо, когда вчера вечером он хотел повеситься от безнадёги.

– Мадонна! – шёпотом воскликнул он и прям всем телом ощутил благодать, которая просачивалась через каждую деталь, каждую вещь в интерьере. Серые от гари люминесцентные лампы на сером низком потолке поманили бриллиантовым свечением. Ароматы в душном пространстве заблаговоняли розами и ландышами. От вида продавщицы Андрею почему-то захотелось плакать. Глаза защипало от неждан-

ных слёз, и он их прикрыл, почесывая, чтоб не выдать расшалившиеся чувства.

– Вы будете что-то брать? – не выдержала продавец, глядя, как невыспавшийся богач всё телится с завтраком. Конечно, он припёрся сюда, в круглосуточный ларёк, ведь все нормальные буржуйские магазины и супермаркеты с дорогущими товарами ещё закрыты. И ломает здесь комедию.

– Творог свежий. Творог возьмите. Я детишкам беру. Он хороший. От местного колхозника. Без нефти и ГМО, – сжалась женщина над нерасторопным покупателем, решив как-то поторопить процесс.

– Вы меня извините, пожалуйста, – вдруг произнёс Андрей. – Как вас зовут?

Ирина тоже посмотрела на серый потолок, куда только что смотрел косой в дорогущей дублёнке нараспашку и со старым измызганным пакетом в руке.

– Ирина меня зовут, – ответила она и опустила взгляд на облупившиеся ногти. Никак нет времени привести руки в божеский вид. То дети, то работа. То вот дед захворал, надо было ухаживать. А скоро Новый год. Нравится – не нравится, а всякая женщина должна выглядеть опрятно на праздниках. Подавать пример детям. Тем более, когда есть дочки.

– А меня вы знаете как зовут? – зачем-то поинтересовался Андрей, намекая на шапочное соседство за три года, когда знаешь в лицо, но не знаешь имени.

Ирина стала вспоминать, куда спрятала битую, которую

принес её старший сын на пожарный случай. Потом прикинула свои силы, взвесив глазом пышную массу двинутого психа, поняв, что финт с битой точно не пройдёт. Огнестрельное или газовый балончик надо бы.

– Сталин, – продолжила странный разговор Ирина, поглядев теперь на настенные часы. Сменщица придёт только через два часа. Есть надежда, что кто-то из ранних трудяг забудет хлеб или молоко для завтрака. Иначе придётся развлекать разговорчиками психа целых два часа.

– Брежнев, – поправил её Андрей. – Меня зовут Андрей Брежнев. Андрей Андреевич.

– Очень приятно, – решив быть до конца вежливой, кивнула Ирина.

– Ирина, я... я... в общем, хотел вас пригласить на свидание. Вы мне очень нравитесь. И я давно за вами слежу. Вы... я.., – Андрей слышал чужой голос, который вырывался из его рта, приглашая незнакомую женщину на свидание. Поняв, что лишается рассудка поминутно, мужчина хотел дать дёру, но ватные ноги, тоже ставшие чужими, приросли к полу. – Сегодня вечером, например.

Ирина молчала, повторив траекторию движения взгляда: на серый потолок, неопрятный маникюр, одержимого богатея, часы. И потом опять на маникюр.

Ирина Дедялкова, 42 лет от роду в своей жизни часто влюблялась. И как назло всё не в тех. Красивые, фартовые,

ласковые мужики ей попадались, но неблагополучные. Ни дома, ни двора, ни сада. А этого хмыря по кличке Сталин знал весь посёлок под названием «Рай». Сумасшедший диктатор отбабахал домину на человек 40. А оставшиеся сотки засадил вишнёвым садом тоже в промышленных масштабах. Прозвали косоногого собственника «Сталином» за сумасбродный характер и жадность. Ни одна бригада с ним ужиться не могла. Ходил за каждой работягой по пятам. Экономил каждую копейку. Сам ездил, мастерил, помогал разгружать. Короче, Сталин.

Пока Ира думала, Андрей метался в душе, не зная, за каким голосом пойти. За внутренним, который рыдал навзрыд, умоляя немедленно убратся и забыть это утро, как про страшный сон. Ведь Андрей, несмотря на то, что был уродом, любил и подмечал красоту. А красивая женщина – это длинные ноги, упругая попка, стоячая морковкой грудь, тронутые поволокой глаза и длинные волосы. Но никак 150 в прыжке, 80 кг с талией, обозначенной оренбургским платком.

Другой, чужой, настаивал, что любовь – это не ноги или сиськи, это состояние души. И сейчас это состояние было не в стоянии, а в полёте. Андрей летал, парил, внимал, дышал моментом. Такого он не испытывал давно, если не сказать никогда. Он превратился в слух, нюх, взгляд, которые желали услышать ответ женщины, пахнувшей ландышами.

– Вечером не могу. Уроки с детьми надо делать. Завтра

могу, – просто ответила Ира, решая, что 40 лет – это тот возраст, когда хватит бегать за нерадивыми самцами, а пора уже взяться за голову и выбрать того, кто может дать больше, чем увесистый шлепок по заднице и маслянно-жирный комплимент.

– Завтра нет. Завтра поздно... Сегодня. Может, обед? Ланч? Полдник? – забоялся Андрей, что если упустит момент, то пропадёт благолепие, подаренное вчера Пречистой. А вместе с пропажей вернутся жуткое отчаяние и одиночество.

– Я сдаю смену через два часа. Сегодня могу только на завтрак на свидание. В обед обед надо готовить, – торговалась Ирина, забывая про бессонную ночь, усталость, неопрятный маникюр.

– Всё! Замётано! Через один час 45 минут жду у порога, – стал заикаться Андрей, не веря в своё счастье.

– А покупать что-нибудь будете? – вспомнила Ирина, отметив, что косой богатей ещё и заика. «Всё-таки строг Боженька», – в душе пожалела женщина бедолагу в дубленке, отмечая, что деньги – это хорошо, но здоровье как ни старайся ни золотом, ни серебром не купишь, на глаза не намажешь, на язык не намотаешь, мозги не выпрямишь.

– Так-то он симпатичный. Хоть и странный. Но какой-то добрый. По глазам видно. Только непонятно, как умудряется деньги сколачивать с такими мозгами? – хозяйничала Ирина

по ларьку, в душе радуясь, что пойдёт на настоящее свидание.

Андрей прискакал домой и первым делом отправился в душ. Целый час он провёл в горячих освежающих струях, напевая любимую нетленную песню своей молодости «Прости, поверь, и я тебе открою дверь. За всё прощу и никуда не отпущу».

Андрей знал, что не красавец, так же знал, что полностью лишен слуха и голоса, поэтому старался не петь на публике, хотя с приятелями частенько заваливался в караоке. Там легко было подцепить разных голосистых длинноногих красоток, ловящих продюсеров на живца. Но сегодня его душа пела. Пела и танцевала. Поэтому к песне он прибавил танцы и с грохотом упал на кафель, ударившись больно о нераспакованные банные аксессуары.

Прямо на лбу образовался порез, и чтобы не появился синяк, Андрей быстро приложил холодный кран итальянской фабрики, который ещё не успел установить на дополнительной раковине, предназначенной для супруги.

– Как Гарри Поттер, – не расстраивался Брежнев, видя в порезе знак свыше, который должен был совершить чудо с его личной жизнью, как это произошло с сиротой со шрамом на лбу.

Ира никогда не ездила в машине, которая внутри была

чуть больше её личной спальни, в тысячу раз красивее, в миллион раз удобнее, в секстиллион раз чудеснее.

Джип цвета чистого снега и в такого же цвета удобными, приятно пахнущими сиденьями бесшумно, словно карета принцессы, рванул вперёд и остановился у первого же цветочного ларька, откуда через пять минут появился с букетом розовых роз её чистовыбритый, надухаренный ухажёр со шрамом на лбу.

– Папа будет смеяться, – смущённо принимая цветы, подумала Ира, стараясь не глядеть в растроганные раскосые глаза. – А какая отцу разница? Ему что ль с косым целоваться? Ему что ль букеты цветов нюхать? Наш дом цветы последний раз видел только, когда тетя Нюра померла.

Позавтракать со свиданием оказалось проблематично. Встречались только придорожные кафе с грузными, одетыми в телогрейки хмурыми дальнобойщиками или несимпатичные куцые кафешки при заправках. Но так как других вариантов не было, уселись на высокие стулья за железный столик бензоколонки, где обычно заправлял свой джип Андрей, выбирая элитные неразбавленные сорта бензина по завышенной неадекватной цене. Хотя все водители в округе её объезжали, зная, что здесь трудяги разбавляют больше остальных. Но богатеи об этом не догадывались и были довольны.

Разговор не клеился, пока речь не зашла о семье и детях.

Ира рассказала, что несколько лет назад её бросил муж, водитель-международник, осев то ли в Румынии, то ли в Венгрии с краденным грузом краденного грузовика и любовницей из тех краев. Теперь Ирине приходилось крутиться за двоих, воспитывая троих детей одной.

– И никто не помогает? – удивился Андрей, у которого улыбка не слезала с лица. Ему нравилось буквально всё: обстановка, запах разогретых позавчерашних круассанов, железные неудобные стулья, на которых не умещалась его большая мускулистая пятая точка, разговоры с Ириной, её жалобы на жизнь, но главное, она сама. Такая настоящая, истинная женщина.

– Помогает, – заметила Ирина. – И свекровь, и свекр, и отец мой, и дед Анатолий. Если б не они, не знаю, как с Пашкой, Антоном и Катькой справилась бы. Они у меня шалуны.

Настала очередь Андрея рассказывать. Но его рассказ уложился в два предложения, в котором он поведал, что жил всю жизнь без любви. От того вся печаль-тоска.

Они съели по два круассана, выпили по две чашки кофе. Приближалась минута прощания, но Андрей никак не мог решиться отпустить Ирину домой. Они так и сидели у её обшарпанного подъезда в молчании. Она ждала продолжения. Он ждал, пока последняя капля храбрости переполнит чашу терпения и наконец выдал:

– Вообще-то я никогда так не поступаю. Но... Ира, скоро

Новый год. Говорят, как встретишь Новый год – так его и проведёшь. Я хочу встретить его счастливым. И сам не знаю почему, от одного взгляда на тебя я становлюсь счастливым, как дурак. Может...

Ира повернулась к ухажёру лицом, по которому текли кристально-чистые слёзы счастья и благодарности за такие красивые слова, за цветы, за неожиданный предрассветный сюрприз. Женщина нежно взяла своими красивыми белыми руками с неопрятным маникюром большое, словно блин, лицо Андрея, у которого глаза разъехались в разные стороны, и поцеловала его в губы. Андрей на миг потерял сознание.

В пустой голове зазвенели колокола церквушки, где жила Богородица, подарившая вчера вечером одинокому бизнесмену-строителю благодать.

– Переезжай ко мне, – сказал после поцелуя Андрей. – Сегодня.

– Не могу, у меня семья и работа.

– Переезжай с семьёй, – готовый на всё, продолжал настаивать Андрей, чётко ощущая, что время – это не отрезок, состоящий из секунд, минут с часами и годами, а пространство. Огромное пространство, как его огромный дом, которое надо осваивать: клеить красивые обои, развешивать зеркала и картины, устанавливать кухню, ванную, унитазы, двуспальную кровать, ночные столики...

И пространство, в отличие от времени, не утекало нетронутым, ведь говорят, время не ухватишь. Пространство жда-

ло своего часа, когда его возьмёт в свои руки умелый рачительный хозяин и сделает из него место счастья.

– Не надо больше ждать, – больше себе, чем Ирине, сказал Андрей, набирая номер прораба своей строительной бригады, чтобы попросить сегодня поработать грузчиками.

Через девять дней, накануне самого счастливого семейного праздника, Андрей Андреевич Брежнев проснулся, держа в охапке тёплую спящую любимую женщину, которая сделала его последние прожитые девять дней незабываемыми. Пространство, как и дом, наполнились голосами и жизнью. Были установлены унитазы, раковины, налажена бесперебойная доставка продуктов, изготовление домашней кухни, бережная стирка грязного белья. Окончание ремонта стало подарком небес.

– Я не могу переехать без детей. Свекры и отец, – без них тоже не могу. Они для меня – всё, – говорила Ира, смущённо показывая на толпу родственников, без которых никакая жизнь не считалась жизнью.

Андрей хотел спросить хотя бы на счёт деда в инвалидной коляске, который являлся дедом сбежавшего мужа-вора. Но оказалось, без него прожить тоже было невозможно.

Пришлось брать счастье комплектом.

Андрей был готов справить Новый год так, чтоб прове-

сти остаток жизни счастливо, пусть и с грифом «рехнулся» от всех друзей и приятелей, наблюдавших переезд незнакомецев, по виду которых плакала статья УК «Грабёж, организованный группой лиц».

Однако мужчина отмахивался от беспокоившихся о его благополучии завистников. Отказывался от традиционных утех, банных купаний с группами лиц по другой статье УК. Опустело кресло в караоке. Простаивал стакан для любимого виски. Бармены потеряли приличные чаевые от завсегда-тая бара.

Зато красовалась елка в большой зале без штор, которые ещё предстояло заказать Ирине после праздников, когда страна отойдёт от каникул и ража.

– Голубки, шашлыки замаринованы! – постучали в дверь хозяйской спальни. А стучали теперь по любому поводу и без.

От стука, точнее грохота в дверь, у Андрея резко заболела голова. И тут же в нос ударил ужасный цветочный аромат с привкусом докторской колбасы и чеснока. Мужчина внезапно проснулся и к страху понял, что так пахнет Ирина, продавщица из ларька, которая...

– Будь здоров! – на чих пробудилась Ирина и, повернувшись на другой красивый дебёлый бок, поцеловала любимого в нос, а потом в оба косых глаза.

Андрей не чихал, он вскричал, но сил на крик ужаса

не хватило, поэтому получился трусливый чих. Мужчина весь замер, боясь пошевелиться, пытаясь вспомнить и, главное, осознать события последних дней, которые, усевшись на феррари, с ветерком гоняли по его обезумевшему сознанию со скоростью, несовместимой с жизнью.

– Ландыши, – перед лицом Андрея возник образ Ирины, которая с улыбкой несколько дней назад поведала, что ещё с советских времён обожает только старый аромат ландышей. Затем Андрей увидел себя мечущимся по торговому центру в поисках советских артефактов в области парфюмерии. И наконец, весь ужас произошедшего сложился в его голове, которая трещала по швам, как старые брюки деда Анатолия, которому Андрей прикупил в том же торговом центре на распродаже молодёжные джинсы.

Боясь делать резкие движения, Андрей медленно сполз с кровати, оделся, спустился в холл, ещё недавно такой чистый, блестящий хай-теком, а теперь наполненный чужими вещами и чужими ароматами: чесночно-колбасным оливье, приторно-удушливыми цветами и, самое ужасное, вездесущими незнакомцами, которых Андрей Андреевич пригласил лично неделю назад пожить вместе с ним до конца своих дней. Сейчас показавшихся Брежневу не такими далекими.

Стараясь не смотреть на постояльцев, уклоняясь от по-

целуев Ирины и объятий её детей, Андрей выскочил из дома как ошпаренный, ссылаясь на головную боль и какие-то дела в городе, и на своём авто, белокожие сиденья которого уже были извазюканы разноцветными фломастерами, помчался куда глаза глядят. Раскосые его органы привели ко входу в маленький храм, где ещё недавно на Андрея, как он понял, был наведён морок. Или, по-русски говоря, произошло зомбирование. Он было хотел ворваться и найти одну маленькую криминальную фигурку, скорее всего, вступившую в сговор с людьми, оккупировавшими его люксовый недострой, но побоялся хмурого нарисованного в XVI веке образа в углу, увешанного золотом и серебром других счастливых зомбированных.

Подговорив юродивого, что сидел просил милостыню, пойти внутрь и дознаться до одной низенькой дамы, чтобы она вышла на улицу на разговор, Андрей принялся подготавливать речь.

И как только старенькая, а теперь он её разглядел лучше, не такая уж и чудненькая, вполне себе персоне с лицом криминального авторитета местного заведения, вышла, закричал:

– Я буду жаловаться! Вы не имели права! Вы ничего не получите! Только через мой труп! – и осёкся. 31 декабря как-то нехорошо прозвучали его собственные слова, похожие на словесное надгробье.

– Сбылось что ль? – не поняла женщина и потеплее уку-

талась в цветной платок. Сзади показался нищий, неся зимнее пальтишко для неё. – Вот вечно ноют, плачут, просят, а потом, когда сбывается, оказываются не рады! – не в бровь, а в глаз заметила женщина.

– Я хотел любить и быть любимым... – мысли Андрея путались и потому причинно-следственная связь, как церковная служба вступила в сговор с продавщицей ларька, куда он никогда не заглядывал, кроме того самого утра, не складывалась. – Я хотел любить, но... не того, кого вы мне подсунули, а своего, которого хотел я. Которую... – Андрей взялся за голову, которая разламывалась на части и рванул в неизвестном направлении.

– Матерь блудливому и убогому видать подыскала очаг, а он, дурак, обогреться не знает как, – объясняла бабуся юродивому про возникшую ситуацию. – Тут или чудо, или могила исправит.

Оба тяжело вздохнули, уповая на первое.

Андрей бежал и бежал долго, только потом вспомнив, что машина находится совершенно в другом месте. Дворами и косою дорогой, чтоб не попадаться на глаза мошенникам, он-таки вернулся к авто через два часа поиска и обморожения. Телефон трезвонил, как ненормальный. Звонила Ирина. Посылала волнительные смс, прося ответить.

Андрей решал: выдать правду ей сейчас или дожидаться встречи и уже глаза в глаза попросить убраться из его дома

вместе с родственниками и скарбом?

Вспомнив пикантные сцены с обниманием и обцеловыванием её телес, обратных страстных поцелуев с привкусом ландыша и чеснока, её массажей спины, головы и пят, от которых даже сейчас бежали мурашки, стуча холодными пятками, мужчина решил сказать о расставании лично. Но подготовку речи оставил на потом, добравшись сначала до тепла, ближайшего торгового центра, где в свободном кресле, рядом с другими бомжами, кому негде и не с кем было справлять Новый год, он подбирал слова. Наконец, моральный дух был поднят тремя рюмками горькой из соседнего бара, и мужчина повернул домой, где жили чужие.

Яркие огни, свет на всех этажах и запах оливы встречали задолго до вхождения в дом, в котором было трудно узнать элитный недострой, ещё неделю назад пропитанный ароматами цемента и лака.

– Папа! – с криком бросилась на шею девочка, имя которой Андрей вспомнил не сразу. – Папа! Ты настоящий волшебник! – за нею вышла вся семья, включая деда Анатолия на колесах в новых молодёжных джинсах.

– Господи, Андрей! Как ты угадал? Собачка из питомника! Мы ж мечтали о ней всю жизнь! А какие приятные волонтеры! Они привезли её в коробке с подарочным бантом. Настоящий новогодний сюрприз! – Ирина тоже стала обни-

мать онемевшего Андрея, наблюдавшего как собачка, точнее монстр Баскервилей, с пасти которого падала липкая слюна на испанский паркет из красного дерева с инкрустатом, ходит по дому, обнюхивая новое жильё, где собиралась свить гнездо.

Все дружно пустили слезу, переводя взгляды с отца семейства на псину.

– Дорогие мои, – позвала свекровь Ирины с кухни, – до Нового года два часа, пора провожать Старый год. Все за стол!

Стол был похож на новогоднюю елку, салаты, как яркие новогодние игрушки, переливались на скатерти. Семья Ирины никогда не видела таких яств. Полученные на продукты деньги сначала хотели отложить про запас. Но Ирина настояла на шикарном праздничном столе.

– Мама! – сурово молвила она бывшей свекрови. – Андрей – богатый человек, привыкший к хорошему дорогому питанию. Уж вы в грязь лицом не ударьте. Не опозорьте нас.

– Ирочка, да я в столовой 45 лет отпахала. Умею все: от оливье до яиц Фаберже готовить, если надо. Хочешь, золотом его кормить будем, лишь бы платил, – говаривала свекрушка, держа в руках семь своих столовых зарплат, выданных на один стол для восьми человек и одного пса.

– Он у нас сам золотой, как Фаберже, – с теплотой отве-

чала Ирина, выспавшаяся, похорошевшая, помолодевшая и возрождённая. Много ли бабе надо – семь дней не работать, и вновь она молодуха на выданье.

Андрей терпел, но чувствовал, что терпению приходит конец. Его раздражало буквально всё. Как скрывает собака своими когтищами по плитке. Как не его свёкр с не его свекровью чмокают и чавкают. Разговоры Иринога отца-вдовца с дедом бывшего мужа о политике. На детей Андрей старался не смотреть, потому что те сразу же прибежали обниматься и целоваться.

Когда наконец дед Анатолий разбил венецианское стекло, стоявшее в виде вазона в шкафу, который пошатнулся от удара об него инвалидной коляской, Андрей встал, чтоб сказать всё, что думал.

– Правильно! – воскликнула бывшая свекровь Ирины. – Пора обмениваться подарками. Ты нам, Андрей Андреич, как отец родной, подарил самое главное, чего у нас не было. Это дом! Семья была, счастье и взаимопонимание были, а крыши нормальной над головой не было, – она прикусила губу и пустила слезу, вспоминая бедственное положение семьи, когда даже на хлеб и то денег не хватало.

– Хорошо говорит, – добавил со слезой дед Анатолий, со всем соглашаясь. Отец Ирины похлопал старика по плечу, мол, всё плохое позади.

– За добро добром платят, чтоб люди не говорили, – про-

должала свекровь, – но дарить нам в ответ тебе нечего. Бедны, как крысы, родимый ты наш. Лучшее, что есть – это Иришка наша, красавица и умница, дети-внуки дорогие, умненькие, на них вся надежда. Да и вот икона наша семейная, необыкновенная, в серебряном окладе с золотым напылением, которая из поколения в поколение Дедялковых мы храним и бережём. Ни под каким предлогом не продаём! Ибо благость она дарит всем и каждому. Надежду вселяет на любовь истинную. С тобой мы её окончательно обрели, Андрей Андреич, с тобой Пресвятая и останется.

И поднявшись на стул, чтоб достать, приложила икону к челу будущего зятя, пусть и неофициального, дабы узаконить дарование.

В голове у Андрея Андреевича зазвенело знакомым колокольным перезвоном. Он ошалело уставился на хмурую Мадонну в серебряном одеянии, которая вдруг, как ему показалось, улыбнулась и прищурила взгляд, почувствовал влажные поцелуи благодарных за приют мнимых родных, и упал в беспамятство.

– Андрей! Андрей! – звал его знакомый любимый голос. – Дорогой мой! Да что ж это такое!?! – молилась и плакала Ирина, сидя рядом с большим телом любимого, потерявшего сознание.

– Это от счастья. Бывает. Ещё бы! Каков подарок! Такие иконы знаешь, сколько на чёрном рынке стоят? Как три их-

них дома! – успокаивали свекры, пытаясь привести в чувство неофициального зятя.

Андрей не хотел открывать глаз. Ему были так приятны эти волнения за его здоровье. Эти поцелуи, прикосновения. Никогда до этого никто так о нём не заботился и не волновался. Бывшая жена лучше, что могла сделать в качестве подарка на Новый год, так это меньше тратить их общие им заработанные деньги. Из близнецов ни один не удосужился даже открыточку послать отцу, хотя перечисленные деньги на подарки не возвращались. Никто ему не писал и не звонил. А эти милые, симпатичные, добрые чужие люди, полюбили его как родного.

– Это не любовь. Это Божий дар, – вспомнил Брежнев слова покойного отца.

Андрей на радость родне открыл глаза и широко улыбнулся, не веря, как он жил без этого всеобъемлющего, всепронизывающего счастья любить и быть любимым?

– Чудо! – воскликнул он с пола и тут же был облизан тёплым мокрым липким языком возникшей из ниоткуда гигантской псины.

– Чудо! Фу! Фу! Отстань! – вскричала Ира, отгоняя собаку и сама набрасываясь на ожившего любимого. – Андрей! – только и смогла вымолвить Ирина. – Любимый мой!

– Фу! Фу! Фу! – кричала родня, пытаясь отогнать влюб-

лѐнное животное, не желающее делить выбранного хозяина с другими членами большой семьи.

– Поставим икону на самое почётное в доме место, – сказала свекровь и понесла реликвию на камин, стоящий в центре большой праздничной залы, откуда Мадонне было видно всех и вся невооружѐнным взглядом. – Пусть каждый день освещает своим сиянием этот дом!

Ольга Лукина

«Белоснежка, оливье и мандарины»

Татьяна уверенно вела машину, глядя, как дорога заснеженной лентой ложилась под колёса. Свет фар разрезал темноту, в которой сверкали белые столбики, ограждающие повороты, и метались подсвеченные мягким жёлтым сиянием снежинки. Неутомимо бегая по стеклу, жужжали «дворники». Машина мчалась в ночи, разрывая снежную завесу. Вокруг высились сугробы и плотная стена леса.

– И зачем ты едешь в такую даль? – ворчал Танин папа, провожая дочку в дорогу. – Бросаешь нас с матерью, оставляешь тёплый дом, недоеденную новогоднюю утку и прёшься неведомо куда. Ночью, за город. Это может быть опасно.

– Да, ну, папуль, не бойсь, всё будет ок.

Таня ехала навстречу празднику и от нетерпения аж подпрыгивала на сиденье, – ещё немного осталось, она уже чувствовала разлитые в воздухе волшебство и тайну. Девушка прибавила скорость, и деревья по обочинам превратились в дрожащие линии, проносящиеся за стеклом будто стены туннеля. Она торопилась в загородный коттедж к друзьям, где была намечена встреча Нового года.

– Танюшка, ну ты где? Мы тебя ждём! – раздался голос из телефона. – У нас всё готово! Стол накрыт, шампанское

охлаждается, мангал горит, шашлыки шкворчат. Только не хватает твоего оливье.

– Еду я, еду! Через полчаса буду, – прокричала в телефон Таня.

Дорогу всё сильнее заметало снегом. Машину вдруг повело, развернуло и отбросило в кювет. Таня долго пыталась выбраться, но снег оказался слишком глубоким, и автомобиль только глубже зарылся в него.

– Ну, вот, и встретила Новый год! – с досадой пробурчала Таня, заглушив мотор, – что же, ждать теперь, когда меня откопают? Хорошо хоть, не перевернулась. – Она еле-еле открыла дверь и вылезла из накренившейся машины. Ноги в высоких ботинках сразу утонули в снегу. Таня в сердцах пнула носком ботинка колесо серебристого Туксона. Вообще-то Таня очень любила свою машину, она её холила, лелеяла, разговаривала с ней, как с подружкой, ласково звала её Туся.

– Ой, прости, Тусечка, ну что же ты меня так подвела? – спохватилась Таня и погладила серебристый бок.

Машину заметало снегом. Фары, утонувшие в сугробе, прорывали в снегу призрачный освещённый туннель, который с каждой минутой тускнел. Таня поёжилась в лёгкой белой шубке, почти не защищающей от ветра. Она села в машину, уютное нутро которой обволокло приятным тёплом.

«Что же делать? – подумала девушка. – Скоро мы с Тусей превратимся в большой сугроб, сквозь который будут туск-

ло светится фары, пока аккумулятор не сядет. Как затопленный пароход со светящимися иллюминаторами. И замёрзнем. Нет, надо как-то выбираться». Она стала звонить друзьям, но не было сети. На глаза навернулись слёзы. «Надо же так вляпаться! Скоро Новый год, совсем недалеко её ждёт весёлая компания, большой тёплый дом, праздничный стол, шампанское. А она замерзает тут, в кювете у пустынной дороги».

В салоне машины приятно пахло мандаринами и салатом оливье, которого Таня настрогала целый тазик. На заднем сиденье лежал пакет с вечерним платьем, в нём девушка собиралась блистать в эту новогоднюю ночь.

Татьяна вылезла из машины, запахнула поплотнее шубку и, утопая в снегу, выкарабкалась на дорогу. «Может проедет кто?» Но дорога, слабо освещаемая редкими бледными фонарями, была пустынна. По краям высились зимние деревья, в кудрях которых запутались хлопья снега. Там, в темноте чащи, как будто что-то большое ворочалось, стонало и гудело.

Таня прыгала на обочине, тёрла озябшие руки и дышала на них. Щёки кусал пронизывающий холодный ветер. С неба падали хлопья снега. Воздух пах свежо и остро, морозом и хвоей. Красивая прическа, на которую девушка потратила пол дня, намокла и растрепалась. Пар от дыхания превращался на посиневших губах в перламутровые капельки. Во рту как будто быда рассыпана соль. На светлые взъерошен-

ные ветром волосы легла корона из снега. Таня не рассчитывала оказаться в такой ситуации и не взяла ни шапку, ни перчатки. Теперь она ругала себя за такую неосмотрительность.

Она всё время поглядывала на телефон, ходила вдоль дороги, пытаясь найти сеть и позвонить друзьям, но безрезультатно. Ночь, пустынная дорога, свист метели, холод, колючий ветер. И только смутно мерцали фонари в жёлтом ореоле снежной ваты. Тане казалось, что она на краю света, и время в этой точке остановилось. Через полчаса, которые ей показались вечностью, она уже превратилась в скачущий белый сугроб. Внезапно вдали показались два снопа света – приближалась большая фура. Таня кинулась ей наперерез. Грузовик резко затормозил.

– Ты что?! С ума сошла? – заорал водитель, выпрыгивая из кабины. – Что, жить надоело?

Он подбежал к Тане, которая бессильно опустилась на дорогу. Сквозь пелену снега и слёз она увидела перед собой рослого темноволосого парня. Он склонился над ней, подхватил под руки и поставил на ноги.

– Ты что? Что случилось? – он участливо заглянул девушке в глаза.

Она стояла перед ним в снежно-белой шубке, маленькая, вся запорошенная снегом, с растрёпанными, полураспустившимися локонами. Свет фар перекрасил цвет волос из светло-русого в золотисто-рыжий, и они теперь блестели огненной короной. Влажно сверкали синие глаза, опущенные бе-

лыми от снежинок ресницами. Взгляд в чёрном обрамлении потёкшей туши казался бездонным и загадочным. У Максима аж дыхание перехватило, так она была хороша, как большая белая снежинка.

«Это что ещё за чудеса?», – подумал он. И спросил:

– Эй, ты кто? Снегурочка? – Он потряс её за плечи. – Эй, да ты замёрзла совсем. Ты как здесь оказалась, одна, на пустой дороге, посреди леса, в снегопад? – Максим тормозил её, отряхивая от снега. – Ты что ли с неба свалилась?

– Я... я тут это... застряла... моя машина... вон... – промямлила Татьяна сквозь слёзы и махнула рукой в сторону, где в кювете под слоем снега угадывались контуры машины с еле светящимися огнями.

– Ничё себе! Как это тебя угораздило? Щас посмотрим. Залезай пока ко мне в кабину. Отогревайся.

Максим подсадил девушку в грузовик, а сам пошёл посмотреть, что с её машиной. Через несколько минут он вернулся и сел в кабину, шумно отряхиваясь от снега.

– Да, глубоко увязла твоя «лошадка», надо эвакуатор вызывать. Колёса заблокированы. Сами не справимся. У меня, конечно, есть трос, но вряд ли что-то получится. Да и нет времени с этим возиться. Всё-таки Новый год вот-вот наступит. Меня ждут. Тебя, похоже, тоже?

Он разглядывал свою случайную новогоднюю находку. В тепле кабины она оттаяла, на щеках загорелся нежный румянец, слёзы почти высохли, губы из синих стали розовыми.

– Так, давай-ка снимай мокрые шубку и ботинки, заворачивайся в тёплое одеяло. Будем сушиться.

Максим закутал девушку в одеяло и протянул ей фляжку:

– На-ка, хлебни чуток. Здесь коньяк, хороший, Реми Мартин. Извини, специальных бокалов нет.

Татьяна улыбнулась сквозь оставшиеся слёзы, отхлебнула маленький глоточек коньяка и почувствовала, как обжигающая струйка жаркой волной окатила её от горла до пальцев ног. Она глоток за глотком пила огненный напиток, и ей чудилось, будто внутри растекается жидкое золото, в котором растворяются все страхи и тревоги.

«Как хорошо, – подумала девушка, ощущая во рту привкус ванили и карамели, – как хорошо, сидеть вот так, завернувшись в тёплое одеяло под обволакивающим взглядом красивого, сильного мужчины, – её даже бросило в жар. – Что вообще происходит? Почему вдруг стало так легко и даже весело? Почему ей так хорошо рядом с этим незнакомым мужчиной? Ведь только недавно она боялась замёрзнуть на смерть, а теперь... Всё уже кажется совсем не страшным, а наоборот, забавным и милым». Страхи отступили, пурга за окном уже не пугала. Татьяна подумала, что теперь всё будет хорошо.

Максим с удивлением смотрел на уютно завернувшуюся в пуховое одеяло девушку.

«Чёрт-те что происходит. Откуда она свалилась на мою голову? Почему мне так приятно заботится о ней? Я её со-

всем не знаю. И не хочу знать. Нельзя. Но почему мне так хочется обнять её? Нет, не думать, не смотреть. Напасть какая-то. Мне это совсем не надо. Но почему так хочется взять её маленькие ручки в свои, поднести их к губам и согреть каждый пальчик. Стоп. Макс, ты сходишь с ума. Ты всё-всё об этом знаешь. Это ничем хорошим не кончается. Ты ведь оброс бронёй. Ты больше никого не подпустишь слишком близко. Но почему, почему плавится броня? Нет, нельзя. Надо избавиться от этой девицы. Немедленно. Я отвезу её, куда надо. Так ей сейчас и скажу».

– Послушай, я не знаю, куда ты ехала, но давай сейчас поедем... ко мне, – произнёс Максим непослушными губами, – у меня тут недалеко... домик.

«Господи, что я делаю?! – подумал он про себя. – Я ведь совсем не то хотел сказать...», – и продолжил:

– На полчаса. Выпьём горячий глинтвейн, ты просушишь промокшие вещи, приведёшь себя в порядок, и потом я отвезу тебя к твоим друзьям. Они, наверное, заждались. Позвонишь им. Тут телефон не ловит. А твою машину утром я пригоню туда.

– А... это удобно? – смутившись спросила Татьяна. Внутри у неё всё кричало: «Удобно, удобно! Боже, что со мной? Я готова ехать домой к совершенно незнакомому мужчине! Нет, это невозможно. Надо попросить его отвезти меня к друзьям, в Жуковку, тут недалеко. Сейчас же. Да, я так и скажу, это будет правильно». Вместо этого у Татьяны вырва-

лось:

– Ну, если только на полчасака...

«Боже, что я творю? Да, да, увези меня, куда хочешь!», – вопило всё её существо.

– Ну, что ж, тогда поехали? – Максим завёл фуру.

– Ой, – вспомнила Татьяна, – у меня же там... в машине... там на заднем сиденье, там... это...

– Что ты тамкаешь?

– Там пакеты с оливье и мандаринами! Сегодня же Новый год. И ещё пакет с платьем.

– Щас, я – Максим метнулся к Туксону, с трудом открыл дверь и вернулся с тремя большими пакетами, – вот, держи, твои друзья будут довольны.

Через 15 минут они подъехали к высоким решётчатым воротам, за которыми виднелась красная черепичная крыша. Дом был очень уютным, одноэтажным, с большой застеклённой террасой, выходявшей в сад. Стены из деревянного бруса отливали тёплым янтарным светом. Большая гостиная, совмещённая с кухней была обставлена старинной массивной мебелью, с высокого потолка свисала тяжёлая кованая люстра. Откуда-то из-за угла вышел важный чёрный кот и стал вертеться у ног хозяина, выгибая хвост трубой. Жмурясь, он наблюдал за девушкой круглыми разноцветными глазами. Один глаз был голубой, а второй – золотисто-жёлтый.

– А ... знакомься, это – Филимон, можно просто Филя.

Он тут смотритель. Я у него гостюю. Максим затопил камин. Усадил девушку в глубокое кресло, укрыл пледом.

– Давай, устраивайся поуютней, оттаивай.

Он зажѐг свечи, приготовил глинтвейн.

– Снегурочка, всё же, как тебя зовут? – спросил он, протягивая ей кружку с тёплым красным вином. Запахло корицей, гвоздикой, имбирём и кардамоном.

Он смотрел на неё и удивлялся сам себе. Давно он не любовался так девушкой. Растаявшие снежинки в волосах блестели крошечными бриллиантами. Ему нравилось в ней всё: как она щурится, глядя на огонь, как смеётся, как заправляет пряди длинных волос за маленькие уши, как накручивает на тонкие пальцы выбившиеся локоны. Нравились ямочки на щеках, нежный румянец.

– Зачем тебе моё имя? Какая разница, как меня зовут, – ответила Таня, решив немного пококетничать, ей было почти весело, – пусть я буду просто безымянной незнакомкой. Так проще. Проще и... загадочней. В недосказанности таятся чудеса. Ведь сегодня новогодняя ночь, – а сама подумала; «Господи, что я несу!», – и добавила, – сегодня ночь чудес.

– Да, уж. Чудесатей не бывает, усмехнулся парень. – Ладно, я буду звать тебя Снегурочкой. Ты не против?

– Лучше тогда Белоснежкой. Ты тоже не говори своего имени. Ты принц ночи на белом коне, вернее на белом КамАЗе. Я буду тебя звать Флориан, как в диснеевской Белоснежке.

Татьяна держала тяжёлую кружку обеими руками, грея озябшие пальцы и украдкой разглядывая Максима.

«Да, пожалуй, он смахивает на принца, ну, на такого, современного, – думала Таня, – высокий рост, стать, осанка, тёмная густая шевелюра, благородный профиль, ясные умные глаза, правда, почему-то грустные, добрая улыбка, твёрдый подбородок, сильные руки с длинными пальцами. Он не похож на простого водилу – дальнобойщика, – она отвела глаза, смутившись. – Перестань так на него пялиться», – сказала она сама себе. Кот недовольно зашипел, сузив глаза в щёлочки.

Максим в порыве вдруг нахлынувшей нежности прикоснулся к её пальцам, держащим кружку, ладонями и тут же их отдёрнул, как бы обжёгшись.

«Нет! Не убирай руки! – про себя взмолилась Татьяна. – Верни их назад!». А вслух сказала, как можно равнодушной: – Мне, наверное, уже пора. Как ты думаешь, моя одежда высохла?

«Какая ещё одежда?» – подумал Максим, глядя, как пляшут огоньки камина в её глазах, и сказал осипшим голосом, – конечно, высохла. Давай, если хочешь, я тебя отвезу к твоим друзьям. Ты ещё успеешь встретить с ними Новый год.

«Что я делаю? – в ужасе подумал Максим, – куда я собираюсь её везти? Зачем? Мне давно не было так хорошо... Нет, всё правильно. Надо держаться на расстоянии, хотя бы на расстоянии вытянутой руки. Не ближе. Ближе нельзя. В

моей жизни нет места для этой девушки. Я не должен».

– Тогда... тогда я поеду, – пробормотала девушка, опуская повлажневшие глаза.

– Ну, что ж, поехали. – Поспешно сказал Максим и подал ей руку, помогая встать с кресла. Таня запуталась в одеяле и, потеряв равновесие, оказалась в его объятиях. Их взгляды встретились. Они стояли так пугающе близко, переминаясь на этом скомканном одеяле, так близко, что их дыхания смешивались. Так близко, что он разглядел тонкие бороздки на чуть приоткрытых влажных губах, и белую полоску блестящих зубов между ними, и россыпь маленьких веснушек вокруг носа.

«Это какой-то морок, безумие!», – подумал Максим и, напрягши всю свою волю и отчаянно вздохнув, отстранился.

– Ну, Белоснежка, одевайся. Поедем, – сказал Максим сдавленным голосом и отошёл к панорамному окну, повернулся к Тане напряжённой, враз похолодевшей спиной, отёрнул штору и стал всматриваться в ночь. Он разглядывал засыпанные снегом ели. За окном кружились равнодушные пушистые снежинки, подсвеченные фонарями жёлтым цветом, мелькали бледные пунктиры разноцветных огоньков на наряженной во дворе ёлке. Он смотрел, как переливы этих фосфоресцирующих светлячков расплывались и смешивались с падающими снежными хлопьями.

– Да, поехали, – Таня выпуталась из одеяла, схватила шубку и, на ходу обуваясь, выбежала из дома.

– Чёрт, чёрт! – шептала она, чуть не плача. – Вот дура, размечталась. Ну и ладно, ну и пусть, кто он мне? Никто. Вот и хорошо. Дурак какой-то. Тоже мне, Флориан».

В пути они молчали. Молчали долго и нестерпимо громко. Всю дорогу до Жуковки они не произнесли ни слова. В этом густом повисшем молчании витало напряжение, будто летали искры невидимого электричества. За пять минут до Нового года они подъехали к Жуковке, и Татьяна, выпрыгнув из кабины, присоединилась к своим друзьям. Они весёлой гурьбой выбежали ей навстречу. Максим молча выгрузил пакеты с оливье и мандаринами и, взревев мотором, уехал. Новый год он встретил в дороге. К своим друзьям он уже не поехал. Не было настроения. Выходя из машины, Максим заметил ещё один пакет, завалившийся за сиденье.

«Она забыла! Что там? – Он заглянул в пакет, там что-то краснело, блестело и переливалось. – Платье, наверное. Как же она будет там без платья? И как его вернуть? Ладно, я завтра всё порешаю».

Дома он уселся на пол у догорающего камина на то самое одеяло и подумал, что это был самый лучший Новый год в его жизни. Допивая остывший глинтвейн, он рассуждал: «Всё правильно. Новый год, чудеса, прекрасная незнакомка, лёгкая влюблённость и лёгкое расставание, хотя кто сказал, что лёгкое? Боже, что я наделал? Я даже не знаю её имени! Ну и ладно. Забудь. Ничего не было. Не было же? Отчего же мне сейчас так плохо? Отчего теперь так тоскливо в этот

лучший Новый год, – Максим плеснул в широкий бокал коньяку и закурил сигару. Снегопад кончился, огоньки на ёлке погасли, лес за забором замёрз под снежными шапками, застыла тишина, время застыло. – Так тебе и надо, дурак. В кои-то веки тебе встретилась такая девушка, твоя девушка, а ты её упустил! Кретин». С этими мыслями Максим задремал. Кот по-хозяйски запрыгнул к нему на колени и довольно заурчал. Весь его вид говорил: «Вот и славно, не надо нам тут никого. Нам и так хорошо».

...Он сбежал сюда через две недели после тяжёлого развода, завалив себя работой. У него была своя транспортная компания, занимающаяся грузоперевозками, автопарк большегрузных КамАЗов. Максим сам иногда садился за руль. Он изматывал себя долгими поездками, чтобы не думать, не вспоминать... После развода он поклялся, что больше никогда! Никогда больше ему не будет так больно. Он сам установил границы и истово их охранял уже почти три года. Он не позволит больше никому их переступить, пролезть к нему внутрь и всё там переломать...

Из дрёмы Максима выдернул дверной звонок.

– Кто там ещё? Меня нет дома.

Максим никого не хотел видеть. Звонок настойчиво прорезал тишину.

– Придётся открыть, – проворчал про себя парень и нажал кнопку на пульте. Дверь отворилась, на стену легла длинная тень от силуэта. Максим подскочил. «Не может быть! Так не

бывает», – и замер на месте, ни в состоянии сделать ни шагу.

Она возникла на пороге, облитая светом луны и фонаря, висевшего над крыльцом. Опешив, он сделал пару шагов в сторону. Таня вихрем пронеслась мимо изумлённого Максима, на ходу скидывая шубку и овеяв его лёгким дуновением мяты и горечью миндаля. Волосы развевались, глаза метали синие искры. Браслеты звенели и переливались на тонких запястьях. Слабо алели дрова в камине.

– У тебя пахнет кофе, дымом и коньяком. Ты пил и курил, – произнесла она утвердительным тоном.

– Я... я ничего не понимаю. Откуда ты здесь? Ты мне снишься, Белоснежка?

Татьяна деловито сновала по кухне, по-хозяйски открывая шкафчики и хлопая дверцами.

– Так, где тут у тебя мука, яйца, сахар?

– Что происходит? Ты что тут расхозяйничалась у меня в доме? – Максиму вдруг стало легко и весело.

«Чудеса продолжаются, – подумал он, – теперь точно всё будет хорошо». Его тщательно выстроенная броня дала трещину, под ней затрепыхалось что-то живое, горячее, готовое прорваться живительной лавой. Он-то считал, что там пепелище и темнота. А там, оказывается, всё живёт под корочкой и кровоточит.

– Готовлю праздничный пирог, – торжественно объявила Татьяна, включая духовку, – ведь новогодняя ночь ещё не кончилась. Я ужасно голодная.

Таня проворно замесила тесто, щедро в него насыпала орехов, изюма, всё, что нашла, и поставила пирог в духовку.

– Ты что, собираешься здесь ужинать или, вернее, полужничать?

– Нет, я... собираюсь... здесь... жить, – твёрдо скандируя, произнесла Таня и устремила на Максима решительный синий взор. – Ведь ты спас меня, значит теперь... обязан на мне жениться, – она немного запнулась, испугавшись своей смелости, но продолжила с неуверенной улыбкой, – ведь принцы всегда женятся на спасённых принцессах. И, кстати, я забыла в твоей машине пакет с платьем. А что за Новый год без нарядного платья?

Максима будто кипятком окатило.

– Понял, шас, я мигом, – радостно выпалил оторопевший Максим и помчался за пакетом.

Филимон гневно тарачил голубой глаз, вздыбливал блестящую шерсть ирокезом, выражая крайнюю степень недовольства.

Таня, облачённая в длинное струящееся платье на тонких бретелях, тоненькая, босая, ступая по мягкому ковру с осторожной грацией кошки, подошла к Максиму. Мерцающая ткань очерчивала контуры её тела. Она собрала волосы в высокий пучок, обнажив белую шею с трогательными завитками. Отбрасывая рубиновые блики, в ушах дрожали и покачивались длинные каплевидные серьги.

«Всё, – как в тумане подумал парень, – всё пропало, назад

пути уже нет». Скорлупа брони растрескалась, корочка лопнула и упала, погребая под осколками все страхи, сомнения и разочарования. То большое, горячее, что там дремало в темноте, прорвалось и затопило Максима. Тишина зазвучала. «Больно» отпустило. Тьма рассосалась. Время снова побежало. Всё вокруг будто засияло, и в этом сиянии к нему приблизилось её бледное лицо в короне золотистых волос. По коже поползли мурашки.

– Закрой глаза, – шёпотом скомандовала Таня и, приподнявшись на носочках, коснулась лёгкой небритости щёк кончиками пальцев. «Словно касания крыльев бабочки», – подумал оцепеневший, почти теряющий сознание Максим. Тёплые прикосновения сменились горячими и влажными. Тысячи разрядов прошли сквозь его тело. «Это уже не пальчики, это...», и, задыхаясь, он спросил онемевшими губами,

– Что ты делаешь? – раздался его хриплый голо.

– А ты как думаешь? Целую, – прерывистым полушёпотом произнесла Таня. – Я тебя целую, мой Флориан. Ты можешь обманывать кого угодно, даже самого себя, но только не меня. Ты же этого хочешь?

– Да, да, – простонал Максим и, сделав глубокий вздох, сам стал покрывать быстрыми поцелуями её лицо. – Как же долго я тебя ждал. Почему ты так долго не приходила?

– А я... я ждала подходящую новогоднюю ночь и метель, и дорогу, – усмехнулась Таня, прильнув к нему. – Знаешь, мне страшно подумать, что было бы с нами, если бы не застряла

моя Туся.

– Мы всё равно встретились бы, – сказал Максим, едва переведя дыхание. – Знаешь, я тоже случайно оказался за рулём грузовика на этой дороге. Пришлось заменить водителя, у него жена рождает. Но, как говорят, все случайности не случайны. – Максим продолжал целовать её лицо, шею, везде, где белела нежная кожа. – А Туся? Ничего. Мы завтра её выручим. То есть уже сегодня.

– Давай знакомиться что ли? – прошептала, отдышавшись, Таня.

– Разрешите представиться, Максим! – парень картинно вытянулся в струнку и щёлкнул невидимыми каблуками, слегка наклонив голову.

– Татьяна, – шутливо присев в книксен, проговорила девушка.

Так они переговаривались в промежутках между поцелуями. Лунный свет, прокравшись сквозь шторы, ложился на паркет и высвечивал два силуэта, слившихся в один, делал кожу серебристой, а линии более чёткими. Филимон забился в угол и лежал там тихо-тихо, только жёлтый глаз светился в сумерках комнаты, да возмущённо колыхались кисточки на ушках: – «Да, вот так дела. Променял меня, значит. Ну, я ей ещё устрою!».

– Ой, что -то горит! – вскрикнула Таня, отрываясь от Максима. – Это пирог!

– Пусть горит! Пусть всё горит, – сказал Масим.

Татьяна кинулась к духовке. – Уф- ф, успела!

Она достала пирог и торжественно водрузила его в центр стола.

– Посмотри, какая красота!

– Ты моя красота! – Максим снова схватил девушку в объ-
ятия.

Новогодняя ночь кончалась. Такая долгая-долгая ночь и
такая короткая.

Нуршат Шатаева

«Сатора»

Глава 1

Ледяной ветер набирал силу, поднимая вверх воздушный, еще не успевший затвердеть снег.

«Будет пурга» поняла Сатора. Надо было спешить – день клонился к закату. Если не добраться до дома засветло, можно застрять в сугробах, а в них до рассвета дожить – большая удача. Сатора сильнее укуталась в чапан из верблюжьей шерсти, ту же завязала пояс, поправила шапку. Кожаную веревку, привязанную к деревянным саням, перекинула на другое плечо. Как назло, пот катил со лба, попадал в глаза.

Еще с полчаса Сатора шла, открывая глаза лишь изредка, пока наконец, не увидела в темноте полукруглые очертания домов. Сегодня Сатора ушла из дома, когда солнце стояло уже высоко над головой, хотя говорил отец не выходить на охоту так поздно. Но дочь не прислушалась, очень уж хотелось ей проверить свою интуицию, подсказывающую, что неподалеку поселилась стая крупных сайгаков. И вот, спустя четыре часа, Сатора шла домой, гордо везя на санях велико-

лепную крупную особь степного сайгака темно-рыжего цвета.

Когда до дома оставалось несколько сотен шагов, краем глаза Сатора увидела тень, движущуюся прямо на нее. Она схватилась за грудь, но с сожалением вспомнила, что положила лук и стрелы в сани – чтобы легче было передвигать ногами. Тень приближалась стремительно, и прежде, чем Сатора успела вытащить свой охотничий нож – подарок отца на тринадцатилетие – услышала мужской голос:

– Фийос! Фийос! – кричал мужчина, широко раскинув руки по сторонам.

– Кто ты такой?! – крикнула Сатора, – не подходи – убью!

– Я странник, гость! – дружелюбно ответил незнакомец, пытаюсь подобраться поближе.

Сатора вложила нож в ножны. Слово «гость» имело почти сакральное значение в этих местах. Гость – самый высокоуважаемый и почтенный человек. Если к кочевому человеку в дом пришел гость – это огромная удача, и хозяин дома обязан обеспечить ему все необходимое: пищу, ночлег, и вообще все, что тот пожелает. В пределах разумного, естественно.

– Давай помогу! – сказал мужчина, и взял веревку, – меня зовут Ардавур!

Глава 2

В доме было тепло, и вкусно пахло мясом. Гости посадили напротив входа – на самое почетное место, налили горячего чаю с молоком и бараньим жиром. Сатора исподлобья рассматривала его. В такое время года (зима была в разгаре), так далеко забраться мог только человек, знающий эти степи наизусть, либо заблудившийся чужестранец. Лицом он не вышел: худое, узкое, с коротким рядом густой бороды какого-то непонятного цвета. И кожа у него была вся светлая, прозрачная.

Странные, необыкновенные вещи рассказывал Ардавур. Будто существуют на земле народы, которые поклоняются только одному Богу. Они верят, что Бог живет на небе совсем один, и нет у него ни братьев, ни сестер. И справляется он со всем сам: и Ветром повелевает, и Солнцем, и Луной, и войнами заведует, и за скотом следит. Чудак, не иначе!

Столько всего знал и рассказывал Ардавур, что невольно вызывал сомнение в правдивости своих слов. Но каким-то удивительным образом, лицо его гармонировало с его словами, а слова – с голосом. Держался он очень спокойно, с благородством.

После ужина Сатора вышла подышать свежим морозным воздухом, и заодно заняться выделкой шкуры убитого сайгака. Ардавур вышел следом:

– Ты очень смелая! Сама выследила?

Сатора рассмеялась.

– Делов-то! А ты очень странный! Почему у тебя кожа та-

кая?

– Там, откуда я родом, не такие суровые зимы. Люди живут в квадратных глиняных домах, а не войлочных, занимаются земледелием.

– Знаю я, о чем ты говоришь! Что, думаешь будто мы не видели глиняных домов? Вдоль реки, где мы живем летом, сплошь такие дома.

– Я знаю, что видела, – с улыбкой произнес Ардавур. Глаза его светились особенным блеском в эту безлунную ночь – мерцающим и теплым.

Глава 3

После той самой ночи, всеми мыслями Саторы завладел чужестранец. При свете солнца, глаза его казались еще более необыкновенными, чем ночью – светлыми, как небо. Ардавур вел себя более чем учтиво, как и полагается гостю, и не заговаривал с ней без крайней на то необходимости.

Он часто помогал отцу Саторы со скотом, матери – по хозяйству. К тому же, оказался замечательным охотником: каждый день приносил то суслика, то тушканчика. Один раз принес сайгака!

Лишь однажды Ардавур напросился сопровождать Сатору, когда та собиралась идти за дровами. Когда они немного отошли от дома, он внезапно остановился.

– Сатора, весной я уйду.

Сатора с грустью вздохнула.

– У меня есть большой дом, братья, отец, мать. Я ушел, чтобы не жениться на соседской девушке, которую мне сватали. Я ушел, чтобы найти тебя.

– Что ты такое говоришь? – голос предательски дрогнул.

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной. Посмотри мне в глаза, – Ардавур взял ее за подбородок, заставил поднять глаза, – Сколько тебе лет?

– Шестнадцать. Отец никогда не согласится отдать меня за чужестранца!

– А сама ты хочешь?

– Может и хочу, но против отца не пойду! – ее острый взгляд пронзил Ардавур в самое сердце, – Поговори с отцом. Если он разрешит, я выйду за тебя замуж.

Разговор с отцом Саторы состоялся непростой, но тот, после долгих обсуждений со своими братьями, согласился выдать дочь замуж за него. Для этого Ардавур необходимо было пройти несколько испытаний и шаманский обряд.

В ближайшую ночь, когда Луна снова родит, Ардавур должен был отправиться в степь, чтобы убить «своего» волка, вырвать ему сердце, и принести отцу Саторы. Это было первое, и самое опасное испытание.

Ардавур ушел не попрощавшись, взяв с собой только охотничий нож. Сатора не могла уснуть. Она вышла во двор, и стала молить Богов, чтобы ее возлюбленный вернулся живой. Шесть круглых домов, образующих кольцо, стояли без-

молвно. Но это было лишь видимое безмолвие. В действительности все, так же, как и семья Саторы, замерли в ожидании. Время ползло медленно, и в тот момент, когда Сатора собралась зайти в дом, вдали показалась темная фигура.

– Ардавур! – крикнула Сатора, и побежала в ту сторону.

В ту же секунду все кругом оживилось. Лошади заржали, собаки залаяли, а дверцы домов открылись, и оттуда стали выходить люди. Сатора подбежала к Ардавuru в тот момент, когда тот без сил упал на снег. Снег сразу же окрасился алым. На плече Ардавuru зияла небольшая рана, и из нее сочилась кровь. Сатора расстегнула его чапан, и вытащила небольшой кожаный мешок. В нем лежало волчье сердце.

– Спасибо Луна! Спасибо Звезды! – Сатора села на снег, положила голову Ардавuru на свои колени. Подбежал отец со своим братом. Сатора отвернулась, чтобы они не увидели ее ликующие глаза.

Глава 4

Когда морозы отступили, и зеленые побеги травы начали пробиваться сквозь тонкий слой снега, Саторе и Ардавuru пришла пора уезжать. Ранее никто из женщин их рода не уезжал так далеко, но слово, данное Ардавuru отцом Саторы, было нерушимо. Тем более, что отец был старшим из трех братьев, и главой их небольшого рода.

Ко всему, как бы он сам ни сопротивлялся, но Ардаширу

чужестранец нравился, а в людях он разбирался хорошо. Ардавур виделся ему благородным, смелым человеком, к тому же отличный охотник! Что еще надо его дочери?

Но прежде, чем отправиться в путь, молодой паре предстояло пройти еще одно испытание – посвящение Огнем. Новоявленная пара должна была предстать перед Солнцем, Луной и Звездами, дабы доказать искренность своих намерений, чтобы те, в свою очередь, могли защищать новую семью.

Обряд должен был свершиться аккуратно накануне празднования Нового Года – дня весеннего равноденствия. С самого утра во дворе стояла суматоха. Мужчины готовили овец для жертвоприношения, женщины готовили дрова для костра. Костер должен был быть настолько высокий, чтобы с неба его хорошо было видно Богам.

Когда день клонился к закату и все приготовления были завершены, прямо в центре двора возвышалась конструкция из сухих веток, трута и поленьев. В главном доме, белое полотно на полу, служившее скатертью, ломилось от угощений. Вокруг него Ардашир собрал своих братьев, их жен и детей, чтобы почтить Духов предков, и угостить их яствами. После этого все высыпали во двор, Ардашир взял в руки горящее полено, и разжег костер. Все сели вокруг костра, и посмотрели в ту сторону, где садилось солнце.

– Предок наш, великий Каве, спас эти земли от Турана – повелителя земель Мрака и Демонов. Он сразился в бою с

Дэвами, и победил и их! Благодаря ему Дэвы служат людям. Он завещал нам не сидеть на одном месте, а переходить из одного в другое, также, как Солнце и Луна! Сегодня чужестранец Ардавур, хочет забрать мою луноликую дочь Сатору в свои земли, чтобы она стала его верным спутником в дороге и в жизни!

С этими словами Ардашир поднялся, взял за руку жену Ухмай. Сатора подошла к ним, стала напротив. Ардашир взял горящее полено. Одновременно с этим он завыл песню-молитву, рисуя горящим факелом круг над головой Саторы.

– Чужестранец, подойди! – скомандовал он. Ардавур подошел к ним.

– Ардавур, сын Керкира! Отдаю тебе в жены Сатору, дочь Ардашира – потомка великого народа Сасанидов, и заклинаю тебя заботиться о ней и защищать. Заклинаю не требовать ее отречься от своего Рода, предков и своих Богов!

– Клянусь!

Ардашир снова запел молитву, и провел огнем над головой Ардавура.

После этого Сатора и Ардавур взялись за руки, посмотрели на солнце, почти исчезнувшее за горизонтом, и произнесли вместе:

– Отец – Солнце, помоги нам, и защити в дороге.

Такие же слова были произнесены Луне и Звездам. Молодые несколько раз перешагнули через огонь, взяли по

небольшой горячей веточке, провели ими по лицу друг друга.

Ардашир подарил зятю огромную шкуру серого степного волка, которого сам подстрелил когда-то.

Когда все ритуалы и обряды были завершены, началось настоящее веселье. Женщины и дети танцевали вокруг костра, пели песни и прыгали. Мужчины попивали верблюжье молоко и вели разговоры о подвигах своих дедов и прадедов.

Глава 5

Новый Год

На рассвете мужчины зарезали овец, и провели ритуал жертвоприношения. Женщины нарядились в красивые одеяния, обвязали косы разноцветными лентами. Во дворе соорудили огромные качели. Это была деревянная конструкция на шести столбах, связанных между собой шерстяными веревками по три с каждой стороны, и одной перекладиной, соединяющей две стороны. На глиняной печи, построенной накануне специально для праздника, в огромном каменном казане варилось мясо.

Весь день народ веселился, трапезничал, а к вечеру снова собрался вокруг костра.

– Великий наш предок, герой Сиявуш, сразился в неравной схватке с туранцем Афрасиабом, – начал свой рассказ Ардашир, когда все стихли. Все члены рода много раз слы-

шали эту историю, но каждый раз она вызывала в их сердцах благоговение и трепет, – Сиявуш победил темного воина, но сам погиб от рук Демонов. Вся земля плакала в день смерти Сиявуша, и пошел дождь. Дождь лил тринадцать дней без остановки, после чего явилось народу степей Солнечное Божество. «Великий герой погиб, чтобы сохранить вам жизнь! Так почему же вы плачете, а не празднуете? Жгите костры, пусть в каждом доме горит огонь! Танцуйте, пойте, поклоняйтесь огню – сыну моему, Духам предков своих! И помните героя Сиявуша! Пусть день, когда он погиб, называется Навруз!» произнес Солнце.

С того самого момента и по сей день, мы празднуем день победы и смерти великого Сиявуша, и начало Новой Жизни!

Все одобрительно закивали, и запели песни-молитвы. Они пели о древних временах, о Демонах, Феях, Богах, и о простых людях, населявших эти земли испокон веков. Звуки те были полны тоски и любви, застывшей в глубине времен, и сияющей гордости, и незыблемой надежды.

Эпилог

Наконец, наступил день отъезда Саторы и Ардавура. Ардашир отдал детям двух своих лучших лошадей, и еще двух, если те устанут. Мать тихо плакала, не показывая слез, чтобы не расстраивать дочь. Скорее всего, они больше никогда не увидятся. Ардавур нарисовал подробную карту, как можно

добраться до его дома, благо поселение его находилось в одном месте круглый год. Таких мест в его краях было много, и назывались они «Город».

На прощание мать прижала Сатору к груди, и подарила ей свиток с маленькой шерстяной куклой. Чтобы у нее было много здоровых детей. Самой ей не посчастливилось родить много – после появления младшего брата Саторы – Милада – она сильно заболела, и так и не смогла больше родить.

Сатора крепко обняла всех по очереди, села на лошадь.

– Отвечаешь за нее своим сердцем, перед всеми Богами! Если не убережешь – проклятье Матери-Волчицы настигнет тебя! – крикнул Ардашир, и ударил лошадь Ардавура в бок.

Лошади резво поскакали в сторону холмов, за которые каждый вечер уходило спать Солнце, и копыта их поднимали в воздух пыль, смешанную с запахом свежей травы.

Анастасия Финченко

«Маленькая белочка, храбрый тушкан и... новогодний шкаф»

В столице нашей родины, Москве, жила-была семья Борискиных: мама Аглая, 35 лет от роду... Нет, 36, она все время забывала, сколько ей лет. А также папа Глеб и два сына: Слава и Гера. Был месяц декабрь. Страна жила ожиданием новогодних праздников и каникул: оливье, выпивки за счастье-здоровье и, конечно, подарков. Нужных и ненужных, главное, чтоб их было много. И во всей этой новогодней обстановке в семью Аглаи и Глеба прокрался он... кризис. То ли дело было в десятилетней годовщине со дня свадьбы, то ли в наличии в семье двух маленьких сорванцов, которые кричали-дрались-вопили и поминутно требовали безграничных внимания и времени, а ещё просили пить-писать и внимания именно тогда, когда родители собирались заняться в постели этим... То ли в том, что Аглая, наконец, после шести лет декрета вышла на работу, и времени-внимания у неё ни на что совсем не стало. То ли в том, что она растеряла всю свою мудрость за эти десять лет... Кто б знал

ответ...

– Курица ты, криворукая! – кричал муж, потрясая кастрюлькой, ко дну которой прилипла пригоревшая каша. – За десять лет так и не научилась! Сто раз говорил: молоко, соль, сахар, масло и помешивать! Помешивать! Тьфу! – он бросил кастрюлю в раковину и вышел, хлопнув дверью. А дело было не в том, что Аглая не умела варить кашу. А в том, что она была идеалисткой: каждый день верила, что успеет одновременно сварить кашу и помыть полы или разгрузить стиральную машину. И просто иногда ей везло. А иногда... нет. И быть курицей ей совсем не хотелось. А хотелось быть Женщиной, неидеальной, но желанной и любимой, принимаемой со всеми недостатками, счастливой и живущей полной жизнью. А при анализе текущей ситуации, как часто Аглая писала в рабочих отчётах, выходило, что ни любимой, ни желанной, ни просто даже Женщиной для Глеба она уже не была. И, по всей видимости, не будет. При любой возможности он убегал в мир виртуальных игр. На контакт не шел, обсуждать «всякую ерунду» отказывался. Сошлись на том, что в семье все нормально. И ситуация эта длилась месяцами... И выхода из нее было не видно. От этого становилось нестерпимо больно.., и на глаза наворачивались слезы.

Но это был еще не кризис. Кризис наступил потом. Когда один знакомый стал оказывать Аглае знаки внимания да комплименты (давно забытые в ушедшие из ее жизни, казалось, навсегда) говорить. Аглая ожила. Домашняя, почти уже ощипанная курица расцвела. Или, вернее сказать, оперилась. И даже отрастила крылья. И стала кудахтать больше, чем молчать. Стала следить за собой и хорошо выглядеть, покупать красивые вещи: одежду, обувь, украшения. И все это без мотивирующих усилий со стороны мужа. А ещё Аглая стала иногда пропадать вечерами...

Муж не оценил преобразование, а напрягся. И стал пристально следить за супругой. Пусть она и не была ему уже интересна, а все же в этой ситуации следовало разобраться. Апогей кризиса случился однажды вечером, даже ближе к ночи, когда дети сопели в своих кроватках. Супруги отдали друг другу супружеский долг, а потом вдруг их нервы не выдержали, а боль от взаимных равнодушия и непонимания, копившаяся годами, на протяжении всех десяти лет, выплеснулась наружу. И куда ей деваться? Конечно, на вторую половину. Завязались спор, затем ссора. Аглая возьми да и не выдержи: припомнила Глебу все его нелесные прозвища и похвасталась, как ее ласково называет другой... Муж, несчастный и отвергнутый, впал в отчаяние и ярость, а может в отчаянную ярость, и ушёл от жены, также несчастной и отвергнутой, в ночь, громко хлопнув дверью, обещав никогда больше не возвращаться. И отключил телефон. Аглая всю ночь

плакала и звонила. Звонила и плакала. А потом разбила свой телефон об стену. Ей было страшно. За будущее, за детей, за свое одиночество – не сейчасшнее, а то, что длилось вот уже три года. И мучительно больно. И стыдно за то, что запретный плод пусть иллюзорно и ошибочно, пусть совсем ненадолго заставил её почувствовать себя женщиной... А на самом деле ей хотелось быть Женщиной лишь для одного Глеба...

Выходила какая-то совершенно запутанная ситуация (хотя в глубине души Аглая знала, что женщиной её делает не Глеб, не любой другой человек. Это природа создала её таковой, а её задача лишь заботиться о себе, холить и лелеять свои красоту, женственность, слабость...).

Масла в огонь подлил супружеский долг: вот только что они были вместе... или рядом, а теперь любимый ушёл, обещал не вернуться, ещё и телефон отключил...

Впав в бессознательную ярость под утро и совершенно не управляя собой, женщина услышала, как в замке поворачивается ключ: начинался рабочий день, муж решил собираться на работу.

– Кааак ты мог?! Как ты мог уйти и не брать трубку?! – в ярости набросилась на него неспавшая ночь и потерявшая разум Аглая. – Это ты во всем виноват! Во всем, что случилось! Мне было больно, а тебе... все равно... – Ее глаза отчаянно обшаривали окружающее пространство в поисках чего-нибудь потяжелее. Взгляд зацепил детские мыльные пу-

зыри в пластиковой форме в виде меча. Аглая схватила их и, словно истинный джедай, бросилась на мужа, отстаивая свою точку зрения. Но китайские пузыри подвели: тонкая стенка пластика лопнула, мгновенно превратив мужа в «скользкого типа», который так и выскользывал из рук. А она все продолжала пытаться ударить его, схватить побольнее. Аглая понимала, что любит его до безумия. Понимала, что это все от боли, от отчаяния, но остановиться не могла.

Он обещал уйти.

Он обещал уйти в среднем один-два раза в неделю, что создавало в семье чрезвычайно нездоровую обстановку.

Аглая переживала, плохо спала. Дети тоже переживали. И писали в постель. Надо было записываться к неврологу. Всем. Без исключения.

Больше всего, конечно, в этой ситуации страдали малыши. Ведь взрослые напрасно думают, что их дети спят, когда они ругаются. Дети все видят, все слышат, все понимают... они ещё не очерствели. И они думают, что виноваты в том, что творится с их миром – их мамой и папой.

«Хорошо, что у меня есть любимая работа, – подумала Аглая. – Можно попробовать зацепиться за неё, как за островок стабильности... Заряжая этой стабильностью свой остальной мир. Если что-то в жизни идёт не так, как было задумано (а задумано было: жить долго и счастливо и умереть в один

день, с ударением на «счастливо», а не на «жить» и не просто «вместе»), всегда можно спрятаться в офисе: как физически, сбежав из дома и от проблем, так и морально – погрузившись в решение рабочих задач.

Не успела девушка продумать до конца свою мысль и слегка улыбнуться ей же, как раздался звонок. Звонила её непосредственный руководитель, Наталья Петровна. Аглая приняла вызов и вся обратилась в слух: руководство звонило редко и всегда по делу. Разговор выходил достаточно пространным... Но его изнанка была прямо-таки наполнена скрытыми, но от этого не менее явными посланиями.

Спустя 20 минут Аглая смогла сделать первые выводы.

На работе ею недовольны. И дело не в дисциплине или количестве задержек и выходов по выходным. А в ее подавленности и красных заплаканных глазах, которые отдел наблюдал в последнюю неделю. А может ещё и в звонках мужу с лестницы и трате на это своего рабочего времени (хотя кто и на сколько из коллег опаздывал, отлучался, сколько времени разговаривал по телефону Аглая никогда не считала: потому что не суди, да не судим будешь). Коллеги были уверены, что это все – глаза и телефон, и подавленность – отрицательно влияли на её работоспособность. Что она могла бы работать лучше... и быть внимательнее. Аглая хотела было начать оспаривать сказанное, но вовремя вспомнила, что спорить с начальством бесполезно: оно всегда право... Ей назначается новый испытательный срок длиной в месяц.

И на протяжении этого времени за ней будут пристально наблюдать...

Вот тебе и любимая работа... Вот тебе и отдушина... Вот тебе, Аглая, и Новый год...

Перспектива остаться под самый Новый год без работы расстраивала Аглаю. Перспектива остаться без мужа, одной с двумя маленькими детьми – пугала, заставляя все внутри сжиматься в маленький противный комок. От этого было ощущение, что все внутри тела слегка помято, пережато, напряжено и заблокировано. Хотелось, как лучше, а получилось...

От этого становилось ещё больнее. Хотелось наоборот. Чтоб все, наконец, наладилось. Чтоб проблемы закончились, внутри все расправилось, выпуская наружу крылья надежды. И вся надежда была только на Новый год...

Обычно под Новый год Аглая ждала чудес, мечтала, составляла список желаний, которые (без всяких сомнений) должны были сбыться точно в указанный в бумажке срок. Важная бумажка с желаниями обычно хранилась в укромном месте, чтобы в полночь 31 декабря быть прочитанной и спрятанной под подушку. В этом состоял личный секрет Аглаи. У неё вообще по жизни всегда был план. И план плана. А теперь ничего. Пустота... Вот из этой пустоты ей предстояло сделать список новогодних желаний. И не просто:

«чтоб все были здоровы». А что-то более вдохновляющее, волшебное... Или впервые в жизни встречать Новый год с чистым листом... без желаний.

Что делать?

Вот в чем был весь вопрос. Каждый вечер, съедая вместо ужина яблоко, дабы тело приняло более соблазнительные формы в преддверии праздника, Аглая, стоя на кухне с этим яблоком в руке, словно Гамлет в замке с черепом бедного Йорика, задавала себе его... Но ответа не было. Сначала ей казалось, что все в её судьбе идёт правильно: если и трясет, то только на нужных ухабах и поворотах, дабы ошибки исправлялись. Но теперь получалось, что все вокруг неудержимо рушится и летит в Тартар. Аглая никак не могла решить, что говорит в ней: лень или мудрость?

Отпустить ситуацию и просто посмотреть, что будет дальше, не прилагая усилий для её поворота в то или иное русло – будет ли это правильно? Или она как была страусом, который от проблем в виде роя ос прячет голову в песок и надеется, что оставшуюся часть туловища, по большей части попу, не покусают, так и осталась? И в итоге перед праздниками носилась, как в попу ужаленная...

Лень все-таки – двигатель человеческого прогресса. Так

решила Аглая. И принялась ждать Новый год, ничего не делая, в надежде, что все образуется само собой. И пока единственное, на что это решение повлияло отрицательно – это её кошелёк.

Заходила ли она в магазин, или посещала онлайн-площадку, ей так и хотелось кричать: «Ну продайте же мне хоть что-нибудь!». А ведь раньше она мнила себя интеллектуальной девушкой, которая с зарплаты покупает пай, следит за котировками «голубых фишек» – в общем, заботится о финансовом благополучии семьи (это она так думала, а на деле выходило, что заботились она о том, чтобы у мужа появилась квартира, куда он мог бы от неё сбежать...). А так как теперь в ее жизни все перевернулось вверх дном, и стало очевидно, что надо было покупать не квартиры... мужу, а себе: красивые пальто-кофточка и остальные женские прибабасы, лепить ногти-ресницы-губы и сиськи (которые, как оказалось, сегодня можно попросту накачать филлерами, как и лицо, губы, попу и ещё одно место (об уколах в которое Аглая без содрогания думать не могла), потому что это модно, она решила нагонять упущенное: начала тратиться на шмотки, вместо того, чтобы что-то колоть.

Кризис средних лет подкрался незаметно. Просто у всех он появлялся по-разному. У неё вот – в шоппингомании. Посему пришлось: выделить дома отдельный шкаф под новое шмотье и начать вести учёт доходов и расходов, дабы не профукать на тряпки весь бюджет – на что-то ведь ещё надо бы-

ло кушать и оплачивать счета и кружки детям. Зато когда ей становилось нестерпимо грустно, Аглая распахивала дверцы своего шкафа, словно двери в новую жизнь, и радовалась своим новым нарядам, представляя, где и когда она могла бы в них появиться. Сама себе психолог, она понимала – все это говорило лишь о том, что ей отчаянно не хватает внимания, и самоутверждения, и самореализации, и сублимирования проблем во что-то более ресурсное.

Так мало-помалу пролетели в заботах о новогодних подарках и сладях для детей морозные декабрьские дни. Наступил Канун Нового года.

В доме Борискиных царила сказочная новогодняя суэта: дети ждали Деда с подарками и дергали родителей, родители вешали гирлянды, готовили и собирали на стол. Казалось, всё идеально.

И пусть это не было так на самом деле, очень хотелось верить, что с наступлением новогодней ночи все проблемы растворятся, словно утренний осенний туман над полями.

Но Борискиных ждал один неожиданный сюрприз, предугадать который не могли никакие планы и звезды. Шкаф, в который Аглая складывала свои новые вещи, видел еще Великую Отечественную войну (а может, и нашествие татаро-монгол). Но «нашествия» такого количества вещей ему видеть не приходилось.

Только Бог знает почему этот шкаф, спокойно стоявший на месте на своих четырех резных ножках на протяжении десятков лет, вдруг не выдержал тяжести свалившегося на него (а точнее, в него) счастья в виде новой одежды и обуви хозяйки и решил рухнуть. И сделал он это аккуратно в тот момент, когда мимо шёл Глеб с тарелкой новогоднего оливье. Вот тебе, Борискин, и Новый год...

Что тут началось! Крики, визги, метания по квартире, затем метания к соседям, вытаскивание уже плохо стоящих на ногах Ковальцовых и Златниковых из-за (и из-под) стола, поднятие шкафа, обнаружение главы семейства Борискиных живым, но не совсем здоровым, а, как позже скажет врач, с переломами руки и ребра, вызов скорой помощи, погрузка семьи Борискиных в неё вместе с бутылкой шампанского в авоське и контейнером с остатками оливье.

Куранты пробили полночь, когда Борискины в полном составе с загипсованным и перебинтованным отцом семейства вышли из больницы и стояли на крылечке, разглядывая искрящийся в свете фонарей свежий снег. Повсюду гремели салюты, страна встречала наступление нового года. Надо было торопиться за праздничный стол. И укладывать полусонных детей спать. Ведь всем известно, пока спать не ляжешь, Дед Мороз не придёт.

– Давай больше не будем так? – тихонько спросила мужа Аглая. – Давай оставим прошлое в прошлом: я снова стану твоей Маленькой белочкой, а ты моим Храбрым тушка-

ном... Как десять лет назад...

– Давай... – тихо ответил Глеб. В волшебную ночь больше никому не хотелось спорить...—

Ася Батурина

«Есть ли Дедушка Мороз?»

Многие из нас задавались подобным вопросом. Особенно в детстве. И многие отвечали себе на него: "Да, конечно есть!". Правда, вскоре понимали, что этого доброго волшебника, раздающего всем подарки, не существует...

Однако взрослые, чуть ли не в один голос дружно продолжали уверять, что он всё же есть! Только в некоей выдуманной, фэнтезийной реальности. То есть сказочной.

Непонятно почему, но вера в кого-то доброго, щедрого, могущественного и бескорыстного у многих людей оказывается столь велика, что они, вырастая и понимая, что в Деда Мороза переодевается обычный мужчина, совсем даже не волшебник, всё равно внушают своим детям, что Дед Мороз существует. Хотя его никто и никогда не видел.

Вера и Рома Кораблёвы тоже не были исключением из правил и тоже рассказали своей пятилетней дочке Стеше про

добрého дедушку, дарящего всем деткам подарки.

И теперь девочка была вся в предвкушении новогоднего чуда и беспрестанно донимала родителей вопросами и разговорами про Деда Мороза.

Вот и сейчас, когда они все втроем возвращались из магазина – родители везли дочку на санках по хрустящему морозному снежку – Стеша снова задала свой любимый вопрос:

– Мама, папа! – радостно голосила малышка, прижимая к груди игрушечного тигра в костюме Санта-Клауса. – А когда к нам придёт Дедушка Мороз?

Вера, повернувшись к дочери с доброй улыбкой, заверила:

– Сегодня, солнышко, и придёт. Не переживай, Стешенька, пожалуйста.

Потом, уже встревоженно оборачиваясь к мужу (загруженному сумками и пакетами с новогодней символикой), спросила:

– Ромка, ты позвонил Филимону? Он точно придёт? А то знаю я его...

– Да придёт он, Верочка, придёт... Куда денется... Он мне двадцать долларов должен. А это маленькое выступление как раз в счёт его долга и спису. Так что придёт. В костюме Деда Мороза. У него связи есть в костюмерной одного театра. В этом году у Стешки обязательно будет Дед Мороз!

– Придёт он... Вот только когда? Ведь этот твой Филя – хронический опаздальщик...

А тем временем Филимон Бобриков в своей просторной трёхкомнатной квартире (доставшейся по наследству от погибших в аварии родителей) умасливал кого-то по телефону:

– Дашенька, девочка моя, ну будь лапочкой, помоги несчастному, дай одёжку... Плииииз...

Женский голос, немного искажённый микрофоном, звучал категорически:

– Бобриков, ты с ума сошёл! Где я тебе сейчас найду лишний костюм Деда Мороза? Раньше надо было думать. У меня-то их и было всего два. Один отдала Георгию Ивановичу, другой Петьке Чеканову. Так они со мной об этих костюмах чуть не за полгода договаривались. А тебе вот прям сейчас приспичило: вынь да положь. Нет у меня костюма и точка. – И зазвучали короткие гудки.

Филя печально вздохнул и спросил упитанную кошку, сыто развалившуюся на диване:

– Вот, скажи, Принцесса, ну зачем люди выдумали этого самого Деда Мороза? Да ещё не просто какого-нибудь там деда, а сказочного, в спецодежде. А где я им эту самую одежду возьму? И вообще, что это за ретроградство? С какого это перепугу Дед Мороз XXI века должен быть в старинном зипуне и нелепой шапчонке с мехом? Не исключено, что и из твоих сородичей, красавица... Ещё и борода эта...

Кошка лениво посмотрела на Филю, демонстративно зевнув.

– Ага, понял, – «перевёл» хозяин. – Ты хочешь сказать, что раз не получается сделать так, как от тебя ожидают, значит, надо сделать так, чтобы все обалдели? Причём желательно от счастья? Согласен, Принцесса! Ты гений! Но если мне всё же удастся найти обычный костюм Деда Мороза и не придётся как всегда огород городить, то это было бы лучше...

Филя положил кошке в мисочку корм, быстро натянул на себя пуховик и шапку, захлопнул входную дверь и резво сбежал по ступенькам подъезда.

На улице Филя столкнулся нос к носу с солидным пожилым едом Морозом, Георгием Ивановичем. Рядом с ним стояла молоденькая Снегурочка, настолько сильно похожая на Деда Мороза, что невольно возникала мысль, что она его настоящая внучка, а не просто актриса.

– Филька! – загремел Дед Мороз, он же Георгий Иванович. – Ты это чего там в «Друзьях» моей внучке Танечке понаписывал?!

– А чего я понаписывал-то, Георгий Иванович? – опешил от неожиданности Филя.

– А ты уже и забыл? – вступила в беседу Танечка. – А не ты ли мою фотку прокомментировал как: «печать интеллекта на лице нивелирует глубину разреза на юбке»? Мы до сих пор не можем с подружками понять, назвал ли ты меня синим чулком или сделал комплимент?

– Танюша, конечно же комплимент! – горячо заверил Филя, с опаской поглядывая на внушительную фигуру Деда Мороза.

– Ну знаешь ли, Филька, – снова загромыхал Георгий Иванович, – когда девушку в Танечкином возрасте называют умной, да ещё так изощрённо, то это не комплимент, а издевательство! Ты меня очень огорчил, Филимон, я был о тебе лучшего мнения!

И Дед Мороз со Снегурочкой величественно проплыли мимо опечаленного Фили. Он смотрел им вслед и любовался их великолепными новогодними костюмами. Мешок с подарками, уверенно лежащий на широком плече Деда Мороза, весело подпрыгивал в такт его решительному, размашистому шагу.

– Эх, а костюмчики у них классные... – завистливо проворчал себе под нос Филимон. – Только теперь и не попросить у Иваныча шмотки-то... За внучку обиделся. Хотя чего я такого и сказал-то?

А маленькая Стеша, устав играть с новой игрушкой, приотпала на кухню, где мама Вера заливала майонезом знаменитый салат «Оливье».

– Мама, а дедушка Мороз ведь сегодня придёт, да?

– Сегодня, сегодня, Стешенька, – ответила Вера, озабоченно поглядывая на кухонные часы.

– А Васька из старшей группы говорит, что Деда Мороза не существует. Васька врёт, да, мамочка?

Вера уже открыла рот, чтобы что-то ответить дочери, но

в этот момент на кухню великолепной бурей ворвалась женщина средних лет. Вид у неё был весьма харизматичный, а внешность ухоженной. В руках громоздились пакеты со всякой снедью. Это была мама Веры, Инесса Владимировна.

Она, обняв Веру и Стешу, поцеловала их в щёки. Достав из сумки шоколадку, вручила внучке. И со словами: «Пойди, покажи своему папе, что я тебе подарила», мягко выпроводила девочку из кухни.

После этого решительно развернулась к дочери:

– Доченька, – заявила родительница, выкладывая на стол консервы, пакеты и бутылки. – Только не вздумай моей внучке вешать лапшу на уши, будь добренькой. Не приучай ребёнка жить во лжи. Ты представляешь, какой для неё будет шок, когда она поймёт, что её драгоценные родители говорили ей неправду?

– Ты о чём, мам? – удивилась Вера.

– Да о Деде Морозе, о чём же ещё! Ведь ты собралась выставить лгуном неведомого мне мальчика Васю, а не себя родимую, правда?

– Ну вообще-то да... – рассмеялась Вера. – Просто не хо-

чется отнимать у ребёнка сказку...

– А ты помнишь себя, когда узнала, что Дед Мороз – это не сказочный волшебник, обладающий способностью находиться в сотнях мест одновременно, а просто дядя Радик, мой коллега по работе? И Снегурочка – никакая ему не внучка, а его жена, тётя Настя? Ты ведь тогда сильно огорчилась?

– Помню, конечно... Я огорчилась, но не сильно. Ведь во-первых, ты уже до этого меня обманывала не раз. Разве не ты мне обещала купить собаку, а вместо этого подарила хомячков? Да и просила меня не раз сказать по телефону, если тебе звонил кто-то, кого ты не хотела видеть, что тебя нет дома... Ведь это тоже ложь, не правда ли? Поэтому к тому времени я уже давно смирилась с мыслью, что взрослые врут. Непостоянно и на том спасибо. А во-вторых, взрослые становились такими классными и нескучными, когда смотрели, как мы, дети, радуемся всем этим ряженым тётям и дядям, что не хотелось ни на кого обижаться, а хотелось просто веселиться и радоваться праздникам.

– Ой, Верочка, умеешь ты всё перекрутить, нечего сказать!

– А ты, мамуля, мастер делать из мухи слона. Дед Мороз – это далеко не единственная ложь взрослых, с которой при-

ходится сталкиваться детям. Это просто мы пока ещё не дошли до того периода, когда Стешка будет усиленно интересоваться вопросом, откуда берутся дети.

– Надеюсь, вы с Романом не будете ей рассказывать про аиста и капусту?

– Да нет конечно же, мамочка. Мы ей выдадим ту же самую версию про больницу, в которой покупают деток, что и ты мне в своё время.

Под дружный женский смех на кухню зашёл Роман со Стешей на руках:

– Ну что нас собираются кормить в этом доме или как?

А тем временем Филя подливал пиво Пете Чеканову в одном заведении с весьма эмоциональным названием: бар "Страсти-мордасти".

Петя сидел за столиком в костюме Деда Мороза, но без бороды. Борода выглядывала из кармана, мешок с подарками был прислонён к ножке стула, на котором сидел Чеканов.

– Не, ну ты просишь о невозможных вещах, приятель! – прихлёбывая пиво, удивлялся Пётр. – Как я тебе дам на вре-

мя свой костюм, если именно в 20.00 я должен быть у заказчиков? Они мне уже и аванс выплатили. Да и почему из-за того, что ты не позаботился о костюме, должны страдать ни в чём не повинные дети? Ведь меня ждут дети!

– Не тебя, а еда Мороза, – съехидничал Филимон.

– Кто одет, как Дед Мороз, тот и есть Дед Мороз! – парировал счастливый обладатель заветного костюма.

Филя вздохнул, махнул рукой и встал из-за стола, оставив несговорчивого Петьку допивать своё пиво в гордом одиночестве.

Бобриков уже хотел было покинуть бар и пуститься дальше на поиски дедморозовского облачения, но его остановил клип, который крутили на одном очень популярном музыкальном канале.

Клип в баре транслировали на большом экране, размером почти в полстены и певицу было хорошо видно. Её звали Терри Терем. Девушка радовала глаз своей красотой, и голос у неё был восхитительный! Да и слова песни, и мелодия тоже проникали в сердце. Многие посетители подпевали певице:

"Если рядом твоя любовь,

Время не трать понапрасну.
Шаг сделай вперёд, без слов,
Ведь жизнь так прекрасна!"

Филя знал эту песню наизусть и часто одинокими вечерами в пустой квартире подбирал под неё аккорды на старенькой отцовской гитаре. Он вообще после смерти родителей смог прийти в себя только благодаря музыке.

А музыкой он увлекся ещё в школе. И всё благодаря ей, Терри Терем. Катьке Теремковой...

Катя была самой красивой девочкой в классе да, пожалуй, и во всей школе. Она родилась в семье потомственных музыкантов и сочиняла стихи и музыку к своим песням чуть ли не с детсадовского возраста. И у неё был голос. Очень красивый. Даже красивее чем она сама. Ну это она так считала. Катерина вообще всерьёз не относилась к своей внешности. Она всегда знала, что её жизнь и судьба связаны с музыкой, и шла по этому пути, не сворачивая ни на шаг.

За внимание Теремковой мальчишки устраивали сражения и споры. Донимали девочку шаблонными признаниями и совершенно не интересовались тем, что она читает, какую музыку любит и какие ставит цели. Она была словно некий приз, подтверждение чьей-то крутизны и значимости.

Надо ли говорить, что видя подобное положение вещей, Катя вообще ни с кем не встречалась, пока училась в школе? Но к Филе Бобрикову относилась с уважением и приязнью. Потому что он был единственным в классе и даже в школе, кто не приставал со своими признаниями и относился к ней, прежде всего, как к интересному человеку, а не как к объекту для своих пубертатных фантазий.

Филя не являлся ребёнком потомственных музыкантов, но его отец в молодости был басистом в одной небезызвестной рок-группе, и поэтому никого не удивляло, что Бобриков постоянно участвует в школьной самодеятельности и играет на гитаре, при этом часто аккомпанируя юной певице Кате Теремковой.

И только сам Филька знал истинную причину своего столь активного увлечения музыкой в школьные годы.

Он был отчаянно и безответно влюблён в Теремкову. И так как чувства его были самыми что ни на есть настоящими, то любовь подсказывала ему очень бережно и осторожно относиться к предмету своего обожания. Видя, как Катька отшивает всех поклонников, Филя был уверен, что и его ждёт та же участь, если он признается ей в своих чувствах... Ну Бобриков и не признавался. И был вознаграждён

за свою сдержанность дружеской расположенностью Катерины и её готовностью петь под аккомпанемент его гитары. Катя даже предлагала ему вместе поступать в джазовую академию... Но Филя к тому времени серьёзно увлекся социологией, древними легендами и фольклором вымирающих народов. Поэтому их пути разошлись...

Катя стала популярной певицей Терри Терем, а Филя работал в институте социальных исследований в загадочном отделе сказок и проводил уникальные и, даже можно смело сказать, фантастические исследования. Жизнь у каждого из них кипела и бурлила. И хоть на их жизненных путях встречались беды и тревоги, но в целом грустить и скучать было некогда ни Филимону Бобрикову, ни Терри Терем...

Все эти мысли и школьные воспоминания горячей волной окатили Филю, когда он увидел поющую Катю на экране. Он вздохнул и снова захотел покинуть бар "Страсти-мордасти", но вдруг на экране одухотворённое лицо Кати сменилось разбитной физиономией телеведущего. Парень был в кислотном костюмчике, излучал жизнерадостность и предлагал зрителям поучаствовать в викторине на знание фактов из жизни Терри Терем.

– Итак, кто готов позвонить к нам в прямой эфир и ответить правильно на все вопросы? – зазывал ведущий. – В по-

дарок будет диск с автографом популярной певицы и билет на её концерт!

К экрану подбежал мужчина средних лет и стал набирать номер, который диктовал бойкий ведущий. На вопросительный взгляд Филимона он ответил:

– Для дочки хочу выиграть. Она у меня фанатеет по Терри Терем, все стены в комнате увешаны её плакатами. Тоже хочет быть певицей, когда вырастет. Алло! Да, да, вас слышу! Да, да, на вопросы отвечать готов!

Ведущий стал задавать вопросы, на которые мог бы ответить с первого раза только или маньяк, следивший за каждым шагом девушки, или бывший одноклассник.

Мужчина не был ни маньяком, ни одноклассником и, конечно же, сошёл бы с дистанции с первого же вопроса, но... Но рядом сидел самый настоящий бывший одноклассник Терри Терем. И конкурсант с помощью Бобрикова ответил правильно на все вопросы.

Пока ведущий восторженно провозглашал имя победителя, мужчина подошёл к Филе, чтобы поблагодарить за помощь:

– Спасибо, дружище! Без тебя бы не справился! А ты откуда всё знаешь про Терри Терем? Даже моя дочка не ответила бы правильно на все вопросы. Уж сильно сложные были. Да откуда ж мне знать про то, какую песню и в каком возрасте она сочинила впервые?! А ты знал! Ты, наверное, и её знаешь, ну Терри Терем-то?

– Ну да, – улыбнулся Филя, – знаю, мы с ней вместе десять лет в одной школе учились. И в одном классе.

– О, как мне повезло! – восхитился мужчина. – А как я тебя могу отблагодарить, дружище? Что тебе прям сейчас надо?

Прямо сейчас Фильке нужен был костюм Деда Мороза, о чём он и сказал, абсолютно ни на что не надеясь... Но оказалось, что мужчина работает завхозом в школе, и что у них как раз есть свободный костюм Деда Мороза. С 20:00 до 21:30 он может его Филимону одолжить. Филя очень обрадовался, а мужчина побежал в школу за костюмом.

Пока Бобриков ждал завхоза, он успел познакомиться с музыкантами бара "Страсти-мордасти" и даже сыграть и спеть с ними пару песен. Услышав Филино пение, ребята его пригласили в свою группу, потому что им как раз не хватало вокалиста. И хотя у Филимона "горели" несколько науч-

ных статей и он курировал два сложных проекта, но он с радостью согласился на это предложение. Так сказать, чтобы вспомнить молодость и школьные годы. А ещё ему пришла в голову идея, и он поделился ею с ребятами и предложил им тут же её осуществить. Те, в свою очередь, тоже с радостью согласились. И тоже с целью вспомнить молодость. Вернее, детство.

И вот приближались заветные 20:00! Вера делала фотографии румяной курицы с сыром и грибами для своего кулинарного блога, Роман поправлял ёлку, сбитую "с ног" котом Иннокентием, Инесса Владимировна заплетала Стеше в волосы бантики со снежинками.

– Бабушка, – интересовалась Стеша, – а Дед Мороз добрый?

– Конечно, добрый! Разве злые дарят подарки послушным деткам?

Стеша задумалась, потом нахмурилась и заявила:

– Дарят! А потом отбирают! Как Аглайка из садика. Она мне подарила куклу, а потом забрала.

– Ну что ты, Стешенька, Дед Мороз так не будет посту-

пать, – отозвалась Вера, делая последние кадры.

А потом повернулась к мужу и шёпотом спросила:

– Рооом, а ты не забыл Стешкин подарок передать Филимону?

– Да, передал, передал, – пробормотал Рома, встревоженно поглядывая на часы.

Настенные часы показывали без одной минуты восемь. Большая стрелка вздрогнула и вплотную приблизилась к цифре 12. Взрослые замерли в ожидании чуда: то есть опоздает Филя – Дед Мороз или нет?

Раздался звонок в дверь. Все бросились в прихожую. Это был Дед Мороз! В богатой шубе, расшитой золотыми узорами, высокой шапке, с длинной густой бородой... В руках он держал куклу, упакованную в прозрачную пленку (с завхозом забыл договориться о мешке для подарков, вот тот и принёс только одежду).

За спиной у деда Мороза висела гитара, а рядом, по бокам, стояли двое сопровождающих в вязаных свитерах и тоже с гитарами. Под мотив из "Бременских музыкантов" "Ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету..." Дед Мороз вручил счастливой Стеше подарок и почувство-

вал себя настоящим волшебником! Ромка за спиной дочери показывал ему большой палец вверх.

ОБРАЩЕНИЕ К ИЗДАТЕЛЯМ

Уважаемые издатели!

Мы, участники марафона, открыты к сотрудничеству и хотим отметить, что опробовали себя в разных жанрах и стилях литературы. Изданные нами книги «Седьмое небо», «Мятные баранки», «Бабушколюбие», «Любовные незабудки», «Возьми меня на ручки», «Пистолет. Тюльпаны. Грудь», «СЧАСТырнадцатым», «Любовь в былинном стиле», «Сага о родителях подростков», «Шнурки изнывают», «Гав-мяу и сердца стук», «Пенсионная кадриль» продаются на самых крупных книжных площадках страны: Литрес, Bookmate, Амазон, Озон, Лабиринт, Читай-город, Буквоед и другие. То есть мы – не писатели-однодневки, а талантливые, амбициозные, подающие большие надежды авторы, за которыми будущее художественной литературы.

Надеемся, что прочитав сборники, вы оцените талант, юмор, глубину сюжета, которыми мы постарались обрадовать наших читателей в эти непростые времена.

Будем рады конструктивным предложениям и сотрудничеству.

Ольга Лукина

Дорогой читатель!

Самый удивительный и всеми любимый праздник уже стучится в дверь. В Новый год хочу подарить вам немного люб-

ви, тепла и чудес. Если мой рассказ «Белоснежка, оливье и мандарины» заставит вас чуть-чуть погрустить, слегка улыбнуться, может, немного посмеяться и поверить, что всё будет хорошо, это принесет мне радость.

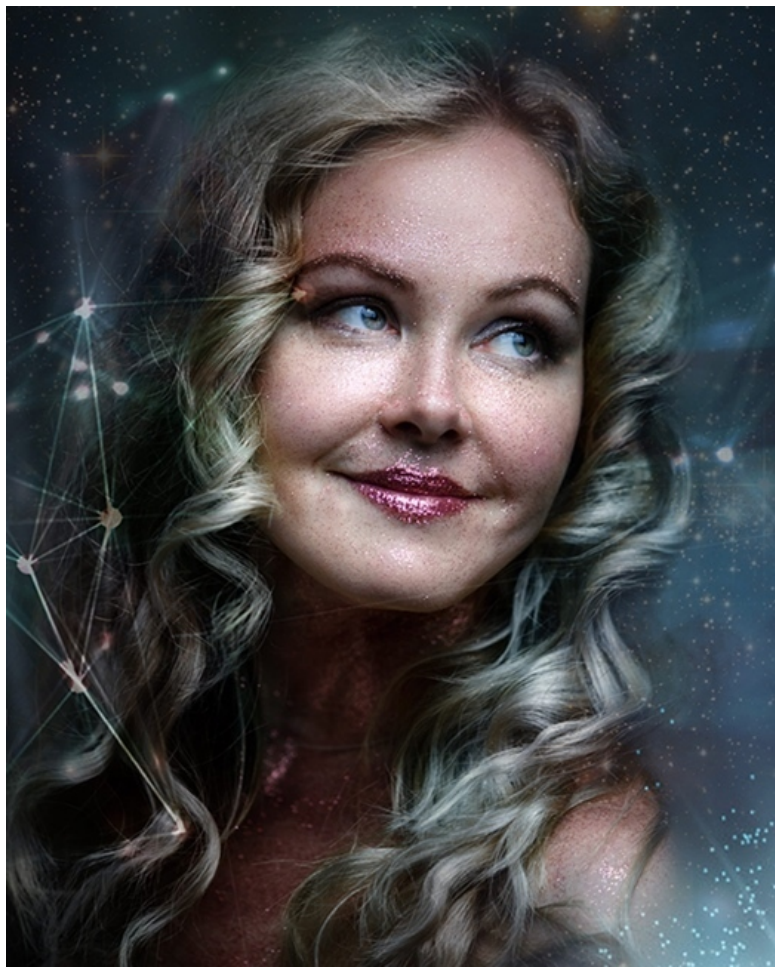
@_olga_lukina

Нуршат Шатаева

Здравствуй, дорогой читатель! Все мы в этом мире гости, и конечно же, как любой гость, – я хочу принести свои подарки. Оставить после себя нечто полезное, приятное, что-то, что, возможно, поможет кому-то стать чуточку счастливее, радостнее, украсит досуг или просто отвлечёт от забот. Что может быть лучше чтения на диване, с чашечкой чая с печеньками? @nura_verh

Анастасия Финченко

В нашей судьбе выпадают разные годы: белые, серые, чёрные, полосатые и в крапинку, иногда и вовсе непонятные. Но мы неизменно ждём Новый год: чтобы вспомнить о том, что нужно верить в чудеса, чтобы с новыми планами и надеждами начать жить с чистого листа. А вот в Санкт-Петербурге организовали ночной клуб, в котором Новый год празднуют каждый день – и каждый день начинают жизнь с чистого листа. Давайте брать с этих энтузиастов пример. Ведь чтобы сделать шаг к своему счастью, не нужно ждать, нужно только желание! @skazkidlyavseh

Ася Батурина

Я уже не первый раз участвую в писательских марафонах Евгении Хамуляк. И решила все рассказы, написанные на этих марафонах, объединить в отдельный сборник. Я его назвала "Всплеск эмоций". Кстати, это название одного из рассказов, который был опубликован в сборнике "Гав, мяу и сердца стук".

Некоторые мои рассказы можно прочитать на @aiselinnalunnaia

Евгения Хамуляк

Новый год для каждого человека – это экзамен. Многие серьёзно подводят итоги. Кто-то загадывает желания на год грядущий и пишет длинный список дел. И только с возрастом понимаешь, что это всего лишь очередной день в году и его, как и другие 364, надо прожить душевно, с настроением, верой в чудо, в людей и будущее – это, наверное, самое заветное желание всех людей на свете. Про это мои рассказы для вас.